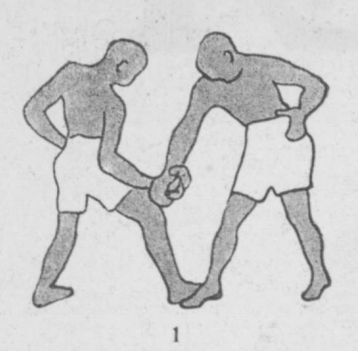
ПИОНЕР

16

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

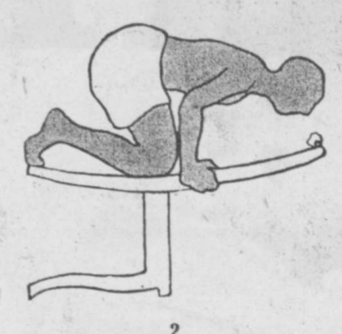
ОДИН НА ОДИН

ГИМНАСТИЧЕСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ

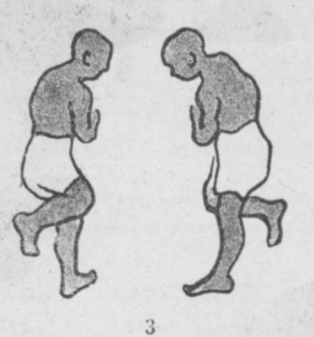
1

Ступни правых ног состязающихся ставятся вплотную друг к другу. Левые руки упираются в бедра, а правой берутся за руку противника. Побеждает тот, кто, действуя правой рукой, заставит противника отнять свою правую ногу. Левую ногу передвигать можно.

2

Положить крепкий стул, как показано на рис. На кончик спинки стула положить бумажку. Встав коленями на ребро сиденья, а ногами на ножки и держась руками за спинку около сиденья, попытайтесь достать ртом бумажку, не потеряв равновесия.

3

Прыгая на одной ноге и держа руки сложенными на груди, заставить противника толчками плечом встать на обе ноги или вытеснить его из круга.

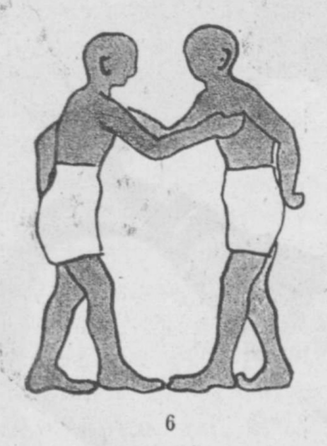
4

Начертить перед концами пальцев ног черту и, держась руками за концы пальцев ног, постарайтесь перепрыгнуть за черту, не отрывая рук от ног.

5

Встаньте друг против друга на расстояние вытянутой руки. Ноги держать тесно сомкнутыми. Сгибая руки в локтях и ударяя друг друга в ладони, попробуйте сшибить противника.

6

Станьте друг против друга, соприкасаясь концами пальцев левых (или правых) ног. Правые (левые) ноги должны находиться на одной линии с левыми (правыми) ногами. Ударами ладоней по верхней части руки противника заставить его переставить ноги с прямой линии.

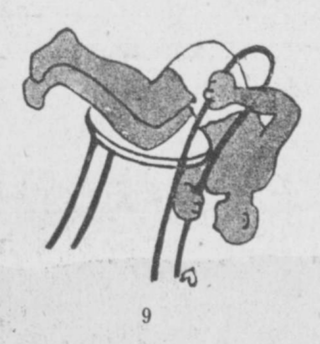
7

Встаньте друг против друга в положении «смирно», левые руки на бедрах. Большие пальцы правых рук подносятся к носу, а мизинцами сцепляются. Победителем является тот, кто заставит противника первым отнять пальцы от носа или переступить за черту между состязающимися.

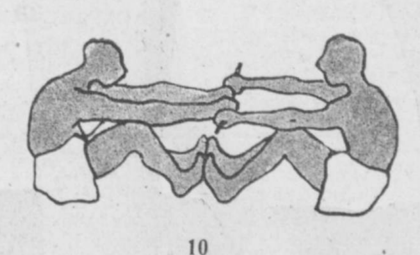
8

За небольшую толстую палку берутся так как показано на рис. Победителем считается тот, кто вырвет ее из рук противника.

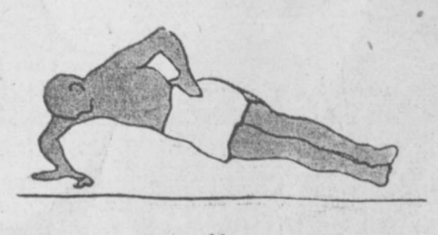
9

Ложатся на крепкий стул, как показано на рис. Зубами пытаются, не теряя равновесия, схватить бумажку, лежащую у противоположной ножки стула (на рис. положение бумажки неверно).

10

Противники садятся друг против друга, упираясь подошвами ног и держась руками за палку. Победителем считается тот, кто заставит противника встать, перетянув его.

11

Ложитесь на пол опираясь на правую руку и ступню правой ноги левая рука на бедре Около пра ой руки положите бумажку. Теперь попытайтесь достать бумажку зубами сгибая правую руку в локте и не касаясь телом пола.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.—3 р. — к.
„ 6 „ —1 „ 60 „
„ 3 „ — „ 85 „
„ 1 „ — „ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Москва, Нов. площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия“ Подписка принимается В Главной Конторе Периодич. с их Изданий „Молодая Гвардия“, Москва, Тверская, 37

№ 16 АВГУСТ 1927 г.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО БЛИЗОК СМОТР

МИХ. КОЛЧИН

Много есть отрядов, работа в которых еле-еле движется. Плохо у них дело идет потому, что они не знают, за какую работу взяться, за что уцепиться, чтобы оживить всю отрядную жизнь.

А есть много отрядов, сумевших хорошо поставить работу.

В одних отрядах пионеры весело и разумно организуют свой досуг, устраивают экскурсии, коллективно ходят в кино, идут в массовые походы, мастерят летающие модели и радиоприемники.

Другие отряды организовали у себя огород, ухаживают за ним, выращивают овощи, имеют кур, кормят их по норме, контролируют их яйценосность.

Таких хороших моментов в работе отрядов теперь уже много

Это говорит о том, что отряды стали оживлять свою работу.

А вот, передали ли мы свои достижения другим отрядам?

Нет. Это делается у нас плохо

И вот, чтобы узнать, какие у нас достижения, передать их другим отрядам, Центральное бюро пионеров об'явило с 20 августа Всесоюзный смотр пионердостижений. Во время этого смотра надо каждому отряду, который проделал интересную работу, описать ее в газете „Пионерская Правда“ Но сразу, ни с того, ни с сего, достижения описывать не станешь Поэтому и надо провести к этому смотру подготовку в отряде.

Что же нужно сделать?

Нужно на звеньях обсудить—какие мы достижения будем выносить на смотр.

Изучить это достижение со всех сторон. Например, мы ведем хорошо работу с беспризорными. Надо эту работу изучить. С чего начали вы ее, кто был инициатором, какие трудности встречались и как вы их преодолевали Как вы ведете работу, какова самодеятельность пионеров, интересна ли эта работа для детей, и какие результаты получились Так надо изучать те достижения, которые вы хотите вынести на смотр.

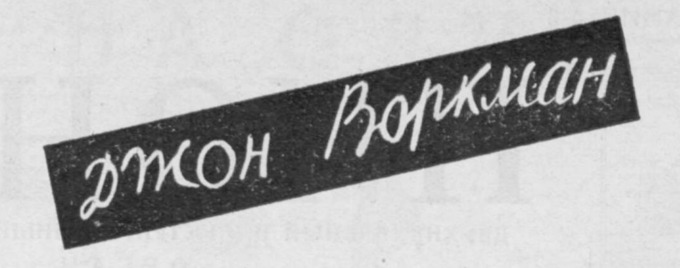
Конечно, надо для этого собрать факты, цифры, фотографии, диаграммы, выписки из дневников. И затем уже хорошо, ясно и подробно описать свое достижение.

К смотру надо привлечь и неорганизованных ребят, родителей. Это можно сделать, устроив выставку, организовав вечер, осветив в стенгазете свои достижения.

Смотр на носу, нужно взяться за его проведение Смотр несет улучшение нашей работы.

Повесть ГАНСА ДОМИНИК
Получ. с нем. М. ГЕРШЕНЗОН
Фотооформление Г. БЕРЕНДГОФА

Продолжение

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАПАД

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ:

Чарли Бекерс, газетчик „Нью-Йоркского Герольда", получил от своего дяди Т. Б. Смита рекомендательное письмо к заведующему экспедицией „Герольда"—Гарриману. Чарли Бекерс болен воспалением легких. Один из его товарищей, тоже газетчик—Джон Воркман—похищает у больного Чарли письмо. Когда Чарли умирает, Джон отправляется с письмом к Гарриману. Старик обласкал его и обещал устроить на работу через редактора газеты, м-ра Беннета. Беннет устраивает его постоянным газетчиком на жалование и дает ему записку, в которой предлагает всем своим служащим знакомить Джона с производством. Газетчик Билль Смит чуть-чуть не попался в краже кошелька на улице. Несмотря на то, что ему удалось удрать, его заметили и следят за ним. Заставив Джона сознаться в том, что он использовал чужое письмо, Билль предлагает Джону за сохранение тайны выручить его и сознаться в краже кошелька. Джон не согласен. Тогда они уговариваются подбросить кошелек Саму, тоже газетчику. Во время обыска у Сама подброшенный кошелек был найден. Во время схватки Самом был убит Билль Смит и ранен Джон Воркман. Это событие создало Джону славу, он задумал сделаться репортером. Изобретательный Джон устраивает общежитие для газетчиков. Это приносит ему постоянный доход и нелюбовь газетчиков, из которых он выкачивает этот доход.

ГЛАВА 1

Решение принято

Теплый августовский ветер веял в открытое окно. Ясный, безоблачный день подходил к концу.

Вот уже час, как Джон Воркман, распродав свой вечерний выпуск, вернулся домой, в просторную комнату общежития для газетчиков, где жил с матерью. Страницу за страницей глотал он чудесную книгу, которую дал ему прочесть мистер Бернс. Это было жизнеописание волшебника из Менло-Парка, изобретателя Томаса Альвы Эдиссона.

— Это в некотором роде твой коллега,—сказал ему мистер Бернс, предлагая книгу.—Он тоже когда-то был газетчиком и бегал по улицам с пачками газет. А сейчас он—знаменитый человек, создатель новой промышленности и миллионер.

Прочитав первые страницы, Джон не мог уже оторваться от книги. Обед, который стоял перед ним на столе, давно остыл. Глава за главой проходила перед ним жизнь великого американца. Джон читал, как предприимчивому мальчугану надоело торговать газетами в маленьком городке Детройте, и как он в 13 лет стал раз'езжать между Детройтом и Чикаго, чтобы улучшить свои дела. Как в 14 лет ему наскучило торговать чужими газетами, и он тут же, на-ходу, сам писал, набирал, печатал и продавал свою.

Письмо к матери

Дальше рассказывалось, как тогда еще Эдиссон усвоил азбуку Морзе и на станциях, где стоял поезд, подбирался к телеграфным аппаратам, и по стуку их, на слух, перехватывал для своей газеты самые важные, самые свежие новости.

Этому Джон научится, он решил это твердо. Хорошо сказал ему однажды старый бумажный мастер Миллер: не стыдно быть глупым, стыдно глупым остаться.

Нет, Джон не останется глупым.

Книга выпала из рук Джона. Он поднял голову и остановил взгляд на огромном оранжевом шаре солнца, опускавшемся где-то далеко за гаванью в мерцающий океан. Мысли роились у него в голове. Вот, три дня назад исполнилось ему 15 лет. Годом раньше Эдиссон издавал уже собственную газету. Джон улыбнулся. Он изучил от начала и до конца предприятия мистера Беннета. Мистера Беннета, газетного короля, он знал лично; да и не одного его. Он создал общежитие жильцов. Мать его была обеспечена верно, надолго. Покамест все шло хорошо. Но дальше? Надо бросать газеты. Он уже взрослый человек, ему нужно настоящее дело. Нужно уезжать, нужно видеть мир.

Джон Воркман прогнал эти мысли и снова взялся за книгу. Он читал, как в 15 лет Эдиссон однажды произвел неудачный химический опыт, и взрыв охватил пожаром вагон поезда. Старые друзья его, железнодорожники, выгнали его вон, и все пришлось начинать сначала. Эдиссон решил тогда поступить телеграфистом на станцию железной дороги. На столе у инспектора стоял аппарат Морзе. Инспектор не сказал ни слова, только пальцы его запрыгали по клавиатуре. Эдиссон на слух прочел вопрос: «Умеете вы телеграфировать?» Он положил руку на клавиши и выстукал быстрей, чем инспектор: «Кажется, умею».

— Олл райт,—сказал инспектор, и Эдиссон был принят на службу.

Звонок прервал чтение, и Джон услышал, что мать на кухне с кем-то разговаривает. Дверь открылась, и миссис Воркман вошла в комнату с каким-то человеком, лет тридцати.

— Это, Эдвард, мой сын, ты, вероятно, слыхал уже о нем.

Гость подошел к Джону и на американский манер крепко пожал ему руку.

— Алло, Джонни, рад с тобой познакомиться. Как же, как же, у нас в газетах писалось о случае с этим молодым преступником. Даже был твой портрет, но нисколько не похожий.

Это был двоюродный брат миссис Воркман, Эдвард Винстон, который много лет уже работал горным инженером на далеком Западе, в Калифорнии. Он быстро разделся, и тут пошли разговоры о давно умерших родителях, о родственниках, о старых знакомых. Потом Эдвард Винстон стал рассказывать о своей работе. В Южной Калифорнии были недавно открыты богатейшие цинковые руды.

— Трудное дело,—говорил он, улыбаясь,—трудное, но зато благодарное. Богатейшие руды — до 30% цинка—но жестокая страна. На мили и мили—ни капли воды. Это было первое, что мы сделали—создали воду, тогда все пошло на лад. Прокладка шахт, постройки бараков для рабочих. В три месяца посреди пустыни вырос город. День и ночь поезда гоняли руду на запад, к побережью.

Джон слушал рассказы Винстона с открытым ртом. Это был новый мир, это была жизнь, ничем не похожая на жизнь Нью-Йорка. Глаза Джона блестели. Инженер понял, что взбудоражил его.

— Езжай на Запад, мальчик, езжай на Запад,—воскликнул он вдруг.—Пропади он пропадом, этот гнилой Восток. Едем со мной на молодой Запад. Здесь люди дерутся за клочок воздуха и света. А там—вольготно.

— Я сейчас читаю биографию Эдиссона,—сказал Джон.—Я дошел до того места, как он стал телеграфистом. Это замечательный человек, мистер Винстон. Я думаю, поехал бы он на Запад на моем месте?

Эдвард Винстон пожал плечами.

— Когда Эдиссон был молодым, и Восток был еще молод. Сейчас все переменилось. Начинай Эдиссон жизнь сегодня, он наверно поехал бы на Запад. Правда, и он-то начинал не с Востока. Ведь Детройт и Чикаго—как раз посредине. Вряд ли бы ему здесь, на Востоке, освободили товарный вагон и позволили там тискать газету.

— Ах, вы тоже знаете историю Эдиссона!—перебил его Джон Воркман.

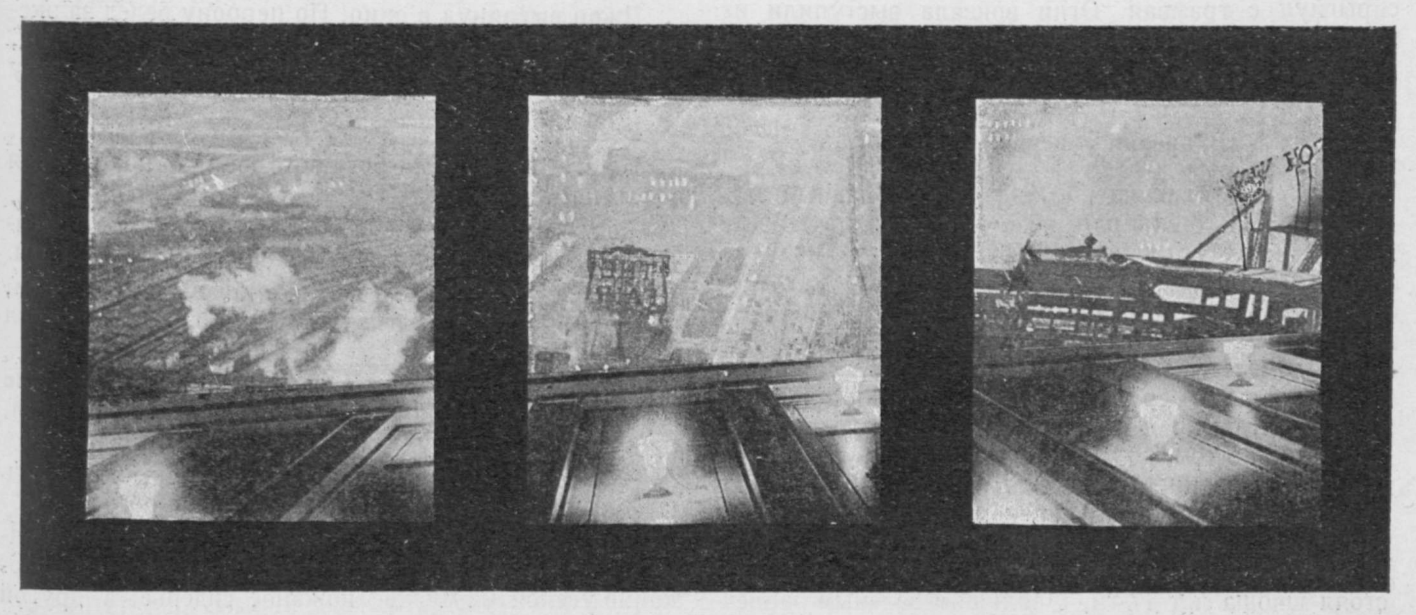
— Плохим бы я был американцем, если бы не знал истории Эдиссона,—засмеялся Винстон. Тут он стал рассказывать всякие шуточные анекдоты про Эдиссона, их не было ни в каких книгах, но они передавались из уст в уста. Он рассказал, как однажды Эдиссон увлекся опытами и прозевал свою женитьбу,—его друзья прямо из лаборатории, в грязном платье, повели его под венец. Как в другой раз он шесть дней и шесть ночей под ряд не отходил от стола, и его ассистентов одного за другим выносили в обмороке. А он продолжал работать, пока не сделал новое открытие. Или раз, когда он работал над изобретением фонографа, он в спешке схватил молоток и расколотил огромный драгоценный бриллиант, чтобы получить осколки для приемника.

Уже поздно вечером ушел Эдвард Винстон, он спешил к поезду, который должен был отвезти его на Запад.

Мать Джона легла спать, и Джон остался один. То, о чем он думал давно, было теперь решено. Он едет на Запад.

Долго стоял он в забытьи и глядел в окно. Когда он очнулся и посмотрел на часы, было уже два часа ночи.

— С матерью лучше не прощаться,—подумал Джон. Он знал, что мать не легко отпустит его на Запад, он понимал, как тяжело будет ей расставанье.

Огни вокзала выступили из темноты

Присев за стол, он написал коротенькое письмецо:

«Дорогая мама, я уезжаю на Запад, как давно уже решил. Эдвард Винстон мне советует то же. Как только я получу работу, я напишу тебе. Ты обо мне не беспокойся. Скоро ты услышишь обо мне, и я вернусь и буду снова с тобой.

Твой Джон».

— Так, самое трудное сделано,—сказал Джон, вставая. В две минуты он упаковал свое белье, запасную пару сапог, костюм, биографию Эдиссона. Потом достал шкатулку с деньгами и пересчитал бумажки: 240 долларов—210 с жильцов, 30 за статью об общежитии, что он снес мистеру Бернсу. Бумажку в 100 долларов он зашил под подкладку куртки, 15 долларов мелочью сунул в карман. Остальное—для матери.

Отрезав еще кусок хлеба и колбасы, и Джон был готов в дорогу.

Ну, Джон, мы в прерии

Когда он вышел на улицу, была еще темная ночь, мутными пятнами горели фонари. Мимо проходил трамвай, он шел вверх от южного края Мангаттана к Гарлему. Джон бросился к нему и на полном ходу вскочил в вагон. В эту пору ночи вагон был пуст и недолго задерживался на остановках. Нумерованные улицы Нью-Йорка мелькали одна за другой. Скоро зданий стало меньше, а вот их не стало вовсе—граница между огромным городом и открытым полем. Вагон пришел к концу своего пути и описал круг, чтобы вернуться в город. Джон Воркман быстро спрыгнул с трамвая. Огни вокзала выступили из темноты.

ГЛАВА 2

В прерии — первые шаги

Джон очутился на вокзале рано: западный экспресс уходил только в 7 часов утра. Нужно сказать правду: по пути к вокзалу Джон ни разу не подумал о том, что поезда имеют расписание. Ему казалось еще в трамвае—вот он едет уже на Запад. И вдруг—томительных три часа ожидания. За все эти бесконечно долгие часы, когда Джон бродил из одной пустой залы в другую, рассматривая об'явления о галошах, сигарах и галстуках, он также ни разу не подумал о том, до какой станции брать ему билет. Десятки названий на досках расписаний путались в его голове, но когда, наконец, открыли кассу, он вдруг спохватился—на языке у него вертелось одно слово: на Запад, на Запад. Впереди него в очереди стоял юноша лет 17-ти, с большим зеленым заплечным мешком, в потертой кепке.

— До Спрингсхилла!—сказал он звонко, протягивая в окошечко деньги.

— До Спрингсхилла! — повторил за ним Джон, и перед его глазами мелькнула строка расписания:

Спрингсхилл, 2500 миль—10 долларов.

Вокзал давно уже был полон народу; крики, гудки, свистки висели в воздухе; вещи, казалось, лежали сами собой—корзины, чемоданы, ящики, тюки, мешки; люди бранились, кричали, бегали, прощались, смеялись, плакали. Все кипело котлом. Но Джону казалось, что все неподвижно стоит на месте, что все застыло, замерло, ждет.

И сразу ожиданье кончилось: стукнули колеса, чаще, чаще, чаще,—и перрон и вокзал уплыли назад, в Нью-Йорк, чтобы снова стать и стоять неподвижно. А поезд развивал скорость, поезд дрожал сильнее, быстрее мелькали мимо семафоры, будки, амбары и склады. Джону казалось, что поезд только пошел, только начал показывать, что могут сделать колеса и рельсы и пар, когда он вдруг влетел на станцию, сбился с галопа на шаг и остановился, как вкопанный. Станция Стамфорт—обитель Рокфеллера, здесь стальной конь полминуты рыл землю копытом и грыз удила.

Юноша, который вместе с Джоном брал в кассе билет, стоял рядом с Джоном у окна. Когда поезд тронулся, он вдруг ахнул и крикнул: Смотрите! Смотрите!

Джон выглянул в окно. По перрону вслед за экспрессом несся автомобиль. Экспресс ускорял ход, а маленькая машина стрелою летела по асфальту за ним.

Все бросились к окнам.

Ближе и ближе—вот автомобиль поровнялся с вагоном.

Два молодых человека стояли во весь рост на сиденьи, ожидая момента, когда скорости будут равны.

Мгновенье — и рядом, бок-о-бок с экспрессом, точно привязанный к нему невидимой цепью, застыл автомобиль.

Прыжок—и один из людей вцепился в высокие поручни поезда. Миг—и второй рванулся за ним, и крепкая рука удержала его на ступеньке.

— Телеграммы в Чикаго,—успел еще крикнуть шофферу первый, и автомобиль остался позади.

Теперь только пассажиры вошли в поезд. Публика в восторге поздравляла их с успехом. Один спокойно уселся на мягкое кожаное сиденье, а другой протянул руку знакомому, ехавшему в том же вагоне.

— А, Джонстон!—воскликнул он.—Мне с моим компаньоном надо быть завтра к открытию биржи в Чикаго. Телеграмма пришла в половине седьмого, и мы опоздали в Нью-Йорке на вокзал. На счастье, до Стамфорта он идет тихо, можно было догнать его.

Джон Воркман оторопел: никогда еще он не видал такой спешки.

Только теперь поезд стал развивать полную свою скорость. Он шел все по левому берегу Гудзона, в северном направлении. Пройдя так километров 200, до городка Альбани, он круто повернул влево. Вот он прогромыхал по огромному стальному мосту через Гудзон и понесся на Запад. Утика и Сиракузы остались позади. Еще остановка в Буффало, и озеро Эри. Около 250 километров поезд мчался вдоль самого берега озера.

— Сейчас,—сказал парень, вместе с Джоном бравший билеты,—мы вышли уже из штата Нью-Йорк и едем по штату Пенсильвания. Через час будет Огайо, а потом Индиана.

— Тебе что, приходилось бывать в этих местах? — удивился Джон.

— Как же, я сам родом с Запада. Вот и прошлый год ездил в Спрингсхилл на уборку хлеба, и сейчас еду. Зашибу денег на зиму — и снова в Нью-Йорк.

— А что делаешь в Нью-Йорке?

— Учусь.

Мальчики отдыхают около „Висконсинского отеля“

Мальчика звали Фред Гаррисон; когда Джон спросил его, найдет ли он работу в Спрингсхилле, тот засмеялся.

— В эту-то пору? Да там теперь рабочие руки на вес золота!

Фред достал свой мешок, не торопясь, развязал его и принялся за ветчину с хлебом. Между кусками, когда у него немножко освобождался рот, он так же медленно, как и ел, рассказывал Джону о ферме, где работал в прошлом году, о тракторах, об электрической дойке коров и еще о тысяче вещей, о которых Джону никогда не приходилось слышать.

Мимо окна неслись темно-зеленые леса, отороченные золотом и медью—приметами недалекой осени, безбрежные поля с колосьями, налитыми и пригнувшимися к земле. Джон смотрел в окно и думал о том, как велика его родина. С дикой быстротой несутся они уже целый день, а пересекли только три-четыре штата. Всего таких штатов—до 60, и если решить пересечь всю Америку—от океана до океана—нужно лететь, глотая шпалы, верстовые столбы и станции, четыре ночи и пять дней.

Джон и сам не заметил, как уснул под стук колес, а когда Фред разбудил его, был уже ясный день.

— Не проспи Мичигана,—сказал Фред Гаррисон, похлопывая его по плечу.

И правда, жаль было бы проспать эту картину. Зеркально-гладкая вода озера расстилалась необ'ятной равниной, оно все было окутано еще легкой, розовато-сизой дымкой утра. Таких цветов бывают последние облачка высоко в небе на закате солнца.

Мимо поезда попрежнему пролетали поля и фермы, но чувствовалось уже приближение большого города. Вот посреди пшеничного простора выросла гигантская сигара с ослепительно яркими золотыми буквами:

„ФАБРИКА СИГАР ГАЙАВАТА“

«Гайавата — лучшие пятицентовые сигары мира», — вспомнил Джон об'явление; не сходившее со страниц «Нью-Йоркского Герольда». Вслед за сигарой появились другие плакаты,—плакаты на молоко, консервы, часы, костюмы, бандажи; казалось, они толпами подбегают к окнам вагонов, оглушая пассажиров, наперебой кричат многосаженными буквами на разные голоса и на разные лады. Гигантский вокзал, точно футляр, надвинулся на поезд. Чикаго.

Здесь стояла такая же суматоха, как на Центральном вокзале в Нью-Йорке. Дым сотен паровозов густыми облаками клубился под железным куполом. На перронах—толпы людей; та же спешка, тот же оглушительный шум. Газетчики сновали у публики между ног, и Джон поспешил купить свежий, утренний выпуск «Чикагских Новостей».

Но вот уже проводники вскакивают в вагоны, дверцы захлопываются, и снова поезд, громыхая колесами, спешит на Запад. Серые груды домов, стройные трубы заводов, далекие улицы, затянутые золотистым утренним туманом,—и все. Огромный город остался позади.

Милю за милей покрывал поезд, стремясь к далекой, все еще далекой цели—Сан-Франциско. Вот

по могучему мосту перелетел он через Миссисипи, вот перепрыгнул через Миссури. Снова спустилась ночь, и только на утро поезд остановился в Спрингсхилле.

Он пил здесь воду—только поэтому пассажиры экспресса должны были несколько минут стоять на этой маленькой станции.

— Ну, Джон, мы в прерии,—весело воскликнул Фред Гаррисон, выходя из вагона.

В маленьком бревенчатом домике - станции было только двое железнодорожников.

— Алло, старина, есть здесь кто-нибудь из Спрингфильда?—окликнул Фред одного из них.

— Нет, друг мой, но в самом Спрингсхилле, в Висконсинском отеле, пожалуй, и найдется кто-нибудь из Спрингфильда. Вы что, на работу?

— Вот, вот,—ответил Фред.—Думается, мы не промахнулись?

— И не тревожьтесь. Такого урожая, как в этом году, никто не упомнит. Пожалуй, рук нехватит, чтобы все убрать. Издалека вы, ребята?

— Из Нью-Йорка.

— Ну, молодцы, попали в самую точку.

Фред Гаррисон кивнул старику и направился к выходу.

— Придется пойти в Спрингсхилл,—сказал он.

В то время, как мальчики выходили на дорогу, к станции из прерии подскакало на взмыленных конях пятеро всадников. Джон никогда не видывал таких. Он изрядно испугался, когда они, подлетев к порогу, грянули из револьверов.

Фред заметил, что Джон струсил, и засмеялся.

— Это ковбои приехали в буфет промочить горло.

Загорелые, сухие лица затенены были широкими полями шляп; пестрые рубахи, расстегнутые на груди, кожаные штаны, за поясом—ножи и револьверы.

— Ну, ну, не зевай, идем,—сказал Фред.—Видишь, вон за тем холмом лежит Спрингсхилл—самый большой город на округу в сотни миль.

Два километра вдоль полотна, и Джон за холмом увидал три маленьких домишка.

— А где же город?

— Вот это он самый и есть,—засмеялся Фред.—Тут есть трактир, где могут провести вечер ковбои. Есть лавка, где найдешь все, что угодно — капли для желудка, колесную мазь, сбрую, платье, сосиски и пуговицы. А прежде всего—табак. Тут можешь прочесть и газету. Вот тот дом с красной надписью — «Висконсинский отель».

Джон покатился со смеху.

— Эта вот лачуга—отель?

— Ну ясно, здесь отель не как в Нью-Йорке. Да здесь другого и не нужно. Здесь народ по большей части спит под открытым небом, подостлав шерстяное одеяло, седло под голову — и баста. Тут у хозяина, кроме своей кровати, разве что одна какая-нибудь колченогая койка.

— Чего же ради это зовется отелем?

— Потому что тут и находится спрингсхиллский трактир. А по здешним законам, виски и пиво позволяется продавать только в отелях. Ну, отель, так отель. Только не вздумай пить пиво, ему наверное тысяча лет. Виски с содовой водой—самое милое дело. И от лихорадки в прериях—первое средство.

Джон нахмурился.

— Ну и попали же мы в дыру,—огорченно тряхнул он головою,—три несчастных лачуги—и все. Нет, нужно отсюда выбираться поскорее. Ты ведь знаешь дорогу к ферме?

Фред Гаррисон только свистнул.

— Это не так-то просто, Джон. До фермы, до Спрингфильда—150 миль. Если двинуть туда пешком—это 5 дней хорошего шага.

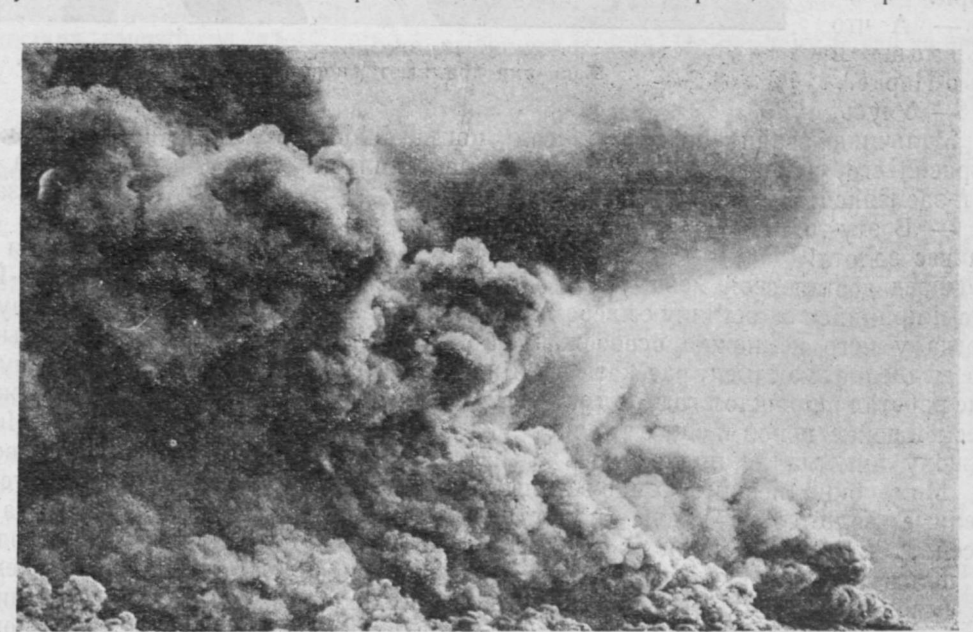
В эту минуту позади них послышался топот копыт, и они едва успели отскочить в сторону с дороги, как мимо в облаке пыли пронеслось трое всадников.

— Стойте, ребята!—услышал Джон голос одного из них, и лошади повернули назад так круто, что едва не припали на колени. Тройка подскакала и остановилась перед Джоном Воркманом и Фредом Гаррисоном.

— Ну-ка, парнишка, подойди поближе, мне нужно сказать тебе кое-что,—кивнул Джону один из них.

Джон и Фред с удивлением посмотрели на всадника и подошли к самой морде лошади.

— Мне нужно вам сказать словечко,—сказал тот, поправляя сползшую на затылок гигантскую зеленую шляпу.—Я шериф из Эндикотта и разыскиваю по штату одного преступника. Он убил начальника тюрьмы в Нью-Йорке, сбежал и прячется где-то в этих местах. За его голову обещана награда в две тысячи. Смотрите, если встретите—

Фред бросился ничком на Джона, рванул куртку на голову

не прозевайте. Года ему, примерно, двадцать два, одно плечо повыше другого, блондин, под правым глазом большой шрам. По шраму вы его узнаете в два счета. Доставить его нужно мертвым или живым, все равно, награда за вами. Прощайте!

Секунда—и всадники, проскакав Спрингсхилл, исчезли в прерии.

— Однако, для начала был бы недурной заработок,—засмеялся Джон. Он ясно почувствовал в своих руках хрустящий чек в две тысячи.

— Однако, парень, видно, шкурой не дорожит. Прихлопнуть начальника Нью-Йоркской тюрьмы—за такое дело по головке не погладят,—сказал Фред.—Попадет ему на орехи.

— Как же мы доберемся до фермы?—спросил Джон, когда они снова зашагали по дороге.

— Там есть нечто в роде железной дороги. От фермы до Спрингсхилла проложена одноколейка, по которой на моторных дрезинах урожай подвозится к самому полотну железной дороги. На лошадях никогда не вывезти бы и четверти всего зерна. Как приедем на ферму, сам увидишь—там во все стороны проложены такие пути. Иначе там не управиться, сколько бы не было рабочих.

— Я никогда не слышал, чтобы фермы имели свои пути,—удивился Джон.—Я всегда думал, что там работают со скотом и с повозками.

— Конечно, какому-нибудь огороднику под Нью-Йорком ничего больше не нужно,—засмеялся Фред.—Но здесь на Западе каждая ферма—это целое королевство. Они тянутся на целые сотни миль. Посмотрел бы ты только, каких машин ни повыдумывали, чтобы обработать эти огромные пространства. Ну да ты сам это увидишь.

Мальчики подошли, наконец, к «Висконсинскому отелю». Невзрачный домишко, навес, под которым стояло несколько привязанных к столбам лошадей. На столбах—не то для лошадей, не то для людей—размалеванные доски: «пиво», «брэнди» и «виски». На шесте перед домом—изодранный, грязный, как тряпка, американский флаг.

ГЛАВА 3

Сквозь огонь

— Алло, мистер Арндт!—с порога еще крикнул Фред хозяину, хлопотавшему за стойкой.

Несколько фермеров, бывших в баре, обернулись и посмотрели на Фреда Гаррисона.

— Алло, Гаррисон, рад вас видеть снова!—ответил хозяин, широко улыбаясь. —Молодец, что приехал, да еще привез с собой друга,—так, что ли?

— Вот-вот, мистер Арндт. Дайте-ка нам прежде всего пару стаканчиков виски, да изготовьте чего-нибудь поесть.

Дрезина ворвалась в огонь

— Сейчас, сейчас,—засуетился хозяин, наливая стаканы.—Куда ты, Гаррисон, снова на Манитуба?

— Да, я думаю, там для нас работа найдется и в этом году.

— Найтись найдется,—вмешался в разговор один из фермеров.—Руки сейчас кому не нужны. Едемте, ребята, ко мне, на Вилькокскую ферму. Заплачу на четверть больше против того, что платит мистер Хамлей!

— Простите, сэр,—ответил Фред,—я мистеру Хамлей дал слово, что и на этот год буду работать с его косилкой.

— Твое здоровье, приятель,—сказал он, обращаясь к Джону, и, не поморщившись, проглотил стакан.—Ну-с,—воскликнул он, стукнув стаканом по столу,—сейчас я протелефонирую мистеру Хамлей, чтобы он выслал за нами мотор.

Джон удивленно посмотрел на него.

— Неужто ты в самом деле думаешь, Фред, что ради нас за полтораста миль пошлют мотор?

— Еще бы, Джон. Сейчас у них созрела пшеница, и им люди нужны—во как! А тем более я,—я ведь умею управлять косилкой. Сейчас два часа дня и к вечеру мы уже будем на Манитуба-ферме.

Фред исчез за перегородкой, где был телефонный аппарат.

Джон сидел за своим наполовину недопитым стаканом виски и смотрел на людей, бывших в баре. Они вели разговоры о скоте, о пшенице, о небывалом урожае, о недостатке в рабочих руках. Трудно было представить себе, что это люди, владеющие несметными богатствами. В городе от них всякий бы сторонился—их приняли бы там за бродяг. А между тем многие из них могли заткнуть за пояс не одного банкира в Нью-Йорке. Зимой это были самые щедрые гости лучших американских отелей.

— Чорт знает что!—вернулся из-за перегородки Фред.—Никто не отвечает. То ли все на работе, то ли повреждены провода.

— Вот видите,—сказал фермер, что прежде разговаривал с Фредом,—придется вам все равно сесть здесь на якорь. Ясно, что, если провода не в порядке, вы не скоро дождетесь дрезины. Не станут же они в такую пору возиться с проводами.

— Эх, если бы у нас была дрезина!—воскликнул Фред.—У мистера Хамлея авто-дрезина делает 70 миль в час. Мы бы в $2^1/_2$ часа были на ферме.

— Это ерунда, эти дрезины,—сказал мистер Арндт.—У меня когда-то была такая штука, дня не проходило, чтобы не ломалась. Все время что-то портилось в моторе.

Все, кто был в комнате, при этих словах засмеялись. А мистер Арндт, нимало не смутившись, продолжал:

— Да, да, да—что ни день, то поломка. Я и продал сперва мотор, потом кузов. Вот еще колеса с днищем валяются в чулане.

— Можно посмотреть, что осталось у вас от дрезины?—спросил Джон Воркман.

— Если есть у вас охота рыться в рухляди—вон за домом сарай, там найдете и доску и катки.

— На коего тебе чорта эта тележка?—спросил Джона Фред.

Но Джон уже был снаружи. Фред вскочил и побежал за ним.

Из груды всякого старья Джон выволок все, что осталось от дрезины: четыре колеса, насаженных на оси, и толстую дубовую доску с перержавившими винтами. У Джона на плечах была хорошая голова. Он внимательно осмотрел колеса и оси и сказал Фреду:

— Дай-ка, поставим ее на рельсы!

— Неужто ты думаешь на этом добраться до фермы?—удивился Фред.

— Посмотрим, что можно с ней сделать.

Заросшие травой рельсы старой узкоколейки видны были в полусотне шагов от чулана. Колеса пришлись к рельсам как нельзя лучше.

— Прекрасно!—радостно воскликнул Джон.— Через полчаса выезжаем! Сходи к мистеру Арндту, Фред, не найдется ли у него отвертки привинтить доску к осям?

Фред пожал плечами и пошел в бар. Когда минут через десять он вернулся с огромной отверткой в руках, у Джона почти все было готово. Две крепких жерди были прочно привязаны к осям, вверху к ним прикручена была жердь покороче, в виде распорки, а к этой распорке вместо паруса—большой мешок для картофеля, их в чулане лежала целая груда. Джон старательно привязывал к парусу все веревки, какие могли понадобиться для того, чтобы ловить полотнищем ветер.

— А я не думал, что ты такой молодец, Джон!— хлопнул его в восторге по плечу Фред.—Это славная штука, знатные мы с тобой будем мореходы! Только нужно покрепче установить жерди, как бы их нам не свихнуло. Ты привинти потуже доску, а я раздобуду у мистера Арндта несколько хороших костылей.

— Через два дня дрезина будет у вас, мистер Арндт.

— Хоть через месяц,—засмеялся хозяин.

— Ай да ребята,—покачал головой один из фермеров,—до чего теперь хитрый народ пошел!

Джон вышиб из-под колеса дрезины камень, который удерживал его на месте, но Фред поспешно подложил его снова. Он снова сбегал в бар; добродушный хозяин снабдил его бутылкой воды и провизией на дорогу. Мальчики уселись на доску дрезины, мистер Арндт теперь сам сбросил с рельса камень и сильно толкнул дрезину ногой. Сперва медленно, потом быстрей и быстрей покатилась тележка по рельсам.

Ветер крепчал, и Фред Гаррисон озабоченно посматривал на потемневшее небо.

— Неужели будет буря?

Но облаков не видать было. Только вдали перед ними небо стало серым и в воздухе появились странные черные хлопья. Эти хлопья летели то выше, то ниже. И Джону показалось, что это—клочья сажи, какие порой вылетают из фабричной трубы.

Фред Гаррисон с изумлением смотрел на эти хлопья.

— Ну, Джонни, правда, у неба нехороший вид. По-моему, это скверная штука!—сказал он.

— Я тоже все смотрю. Что за странные облака!

— На знаю, Джонни. Похоже, что прерия горит. Но ветер—от нас, потому нам не слышно дыма. Если так, понятно, почему не работают провода.

— Ты серьезно думаешь, Фред, что это пожар?

Фред не ответил и, вздрогнув, посмотрел туда, где тонкие нити рельс исчезали за горизонтом.

— Джон, нам нужно было остаться у мистера Арндта. Во-первых, стулья помягче этой проклятой доски, а во-вторых—мне очень не нравится сегодня прерия.

Прошло еще с полчаса. Мальчики молчали. Ветер рвал парус яростней и яростней—начинался ураган.

Наконец, Джон Воркман сказал:

— Если там впереди огонь, что будет с нами?

— Ветер загонит нас в пламя.

— Погоди! Ведь можно перерезать канат, спустить парус, и дрезина остановится.

— Ну и что ж?—усмехнулся Фред.

— Как, ну и что ж?

— Если прерия действительно горит, огонь все равно нас настигнет.

— Но ведь ветер гонит огонь от нас, туда! — Джон махнул рукой в сторону фермы.

— Ты не знаешь, что значит пожар в прерии, Джон. Когда прерия горит, огонь несется по ветру, а против ветра медленно, но тоже ползет. Мы не успеем уйти от него.

Фред смотрел, как чернело впереди небо.

Вдруг он встал во весь рост и взялся за канаты.

— Помоги мне потуже натянуть парус, Джон.

— Натянуть? Ты с ума сошел, Фред? Его нужно спустить.

— Нет, Джон, едем дальше, скорее.

— Но ведь это безумие!

— Скорее вставай, нам нужно набрать ветра. Мы проскочим сквозь огонь, иначе не спасешься.

У Фреда горели глаза, его нельзя было узнать. Джон невольно послушался. Парус распластался во всю длину, во всю ширину—три-четыре квадратных метра. Легкая вагонетка летела со скоростью не меньше шестидесяти километров в час. Небо стало на горизонте совершенно черным. Джон ясно видел, как ветер рвет и гонит мохнатые клубы дыма. Кровавая полоса показалась на горизонте—лента огня, лижущего землю.

Четверть мили еще, четверть мили, не больше. Страх смерти охватил Джона. Он приподнялся:

— Фред, опустим паруса!

Но Фред недаром родился на Западе.

— Нет, Джон, мы проскочим. Пригнись, как можешь ниже! Натяни куртку на голову!

Огонь высотой в два метра был ближе и ближе.

Фред бросился ничком на Джона, рванул куртку на голову. Дрезина ворвалась в огонь—в клокочущий котел—в свист, вой и шипение ада.

Секунды прошли или минуты? Мальчикам казалось, что прошла вечность.

Дышать нельзя было, жгучие бичи стегали тело, горячая тяжелая громада наваливалась сверху, притиснула к вагонетке.

(Продолжение следует)

Первое путешествие

Рассказ М. ШКОЛЬНИКА

Рис. худ. К. КУЗНЕЦОВА

1

Барабан трещал, рассыпался дробью по шумной, залитой солнцем улице. Отряд ровным шагом шел за бравым барабанщиком. Вожатый с озабоченным лицом следил за своими ребятами, забегал вперед на перекрестках улиц, чтобы предупредить столкновение отряда с трамваем или не в меру быстрым автомобилем.

Было жарко. Город словно растопился под сверкающим полуденным солнцем. Все слепило—и рельсы, и мостовая, и стекла; все дребезжало, грохотало—глушило уши. У ребят взмокли от пота легкие рубашки, взмокло под глазами, но все-таки всем было весело. Отряд шел за город в Лузановку, к широкому морю—на гулянье.

Отряд утром условился возвращаться назад с прогулки ночью по проселочной дороге в таинственной тьме, и всех волновало предвкушение удивительной дороги и необычных ощущений.

Всех, если не считать Петьку. Он думал совсем о другом.

2

Завтра вечером он должен навсегда, навсегда покинуть свой дом, бросить свою школу, свой отряд, забыть всех,—и с щемящей грустью он смотрел на товарищей. Слезы накипали у него на глазах: «оставить всех, всех».

Завтра... он уедет в Батум. Уже все готово. Сашка газетчик, его товарищ по двору, уже достал двадцать рублей, дорожные мешки, котелок, ложки. Они пойдут берегом моря...

С каким восторгом готовился он вместе с Сашкой к этому путешествию. Эти приготовления начались прямо с того вечера, когда они вместе смотрели картину «Путешествие по Амазонке».

В темном зале дребезжало пианино, переливался луч света и на полотне вспыхивали, разворачивались бесконечные дали, лились невиданные реки, в ослепительном зное дрожали костры дикарей...

Большой автомобиль, загудев, пронесся мимо отряда и пахнул в нос Петьке струей бензина. Боевой восторг вспыхнул в Петьке.

—Чорт побери, какой же я путешественник, если хнычу, как пятилетний, когда уже все приготовлено...

Но опять в памяти всплыло лицо мамы, сестренки Розы и защипало в носу, и сделалось тесно, тесно в груди. И уже не хотелось никуда ехать.

Припоминались все вещи, связывающие его с отрядом: неоконченная модель аэроплана, которая отстраивалась в течение нескольких недель—перед ним ясно проплыли стройные крылья модели—и парта, на которой нацарапал он свою фамилию, и футбольный мяч, и любимый угол в комнате, где потолок был испещрен трещинами.

И жалко было покидать товарищей, своего вожатого, с которым сдружился, и даже навсегда ненавистного барабанщика Леньку—на косые его глаза и худое лицо глядел он с теплым чувством.

Что из того, что Ленька всегда норовит устроить ему пакость и раз даже подрался с ним, вот теперь он хотел бы всегда, всегда быть с Ленькой, говорить с ним, дружить с ним,—и Петру стало еще больней от сознания, что он никогда по-человечески не говорил с Ленькой и что теперь ему уже никогда не случится загладить свое поведение, потому что завтра, завтра...

3

Отряд славно веселился в Лузановке. Катались на лодках, прыгали в волны, пили шипучий квас.

Вечер повеял над взморьем широким ветром, взошла луна, весь берег шумел гуляющей толпой, всюду раздавались марши и вальсы оркестров, пахло духами, молодые и старые, взявшись за руки, плясали кругами,—развевались юбки и ленты у девушек, кофты у старух работниц. Даже самые старые и сморщенные рабочие, тряхнув стариной, откалывали в кругу товарищей игривую чечетку. Петькин дядя—Сырченко, рабочий с завода «Марти», тоже плясал, и Петька обрадовался, увидя его, но сейчас же вспомнил, что завтра...

Лодки усеяли прохладную и зыбкую прибрежную морскую полосу. Паруса бледно светились в вечерней темноте, луна все выше и выше всходила в глубоком голубом небе.

И, наконец, отряд построился, барабанщик затрещал,—двинулись в город, углубились в темную степь, шли неизвестными даже самому Ваське дорогами, проходили мимо неясных темневших дач,

с восхитительной боязнью прислушивались к таинственным шорохам ночи.

4

В городе отряд разбился на группы, каждая пошла по своему направлению. Шли пустыми улицами, смеялись, пели, будя собак, было страшно и весело. На углу своего переулка Петр распрощался с товарищами и пошел один.

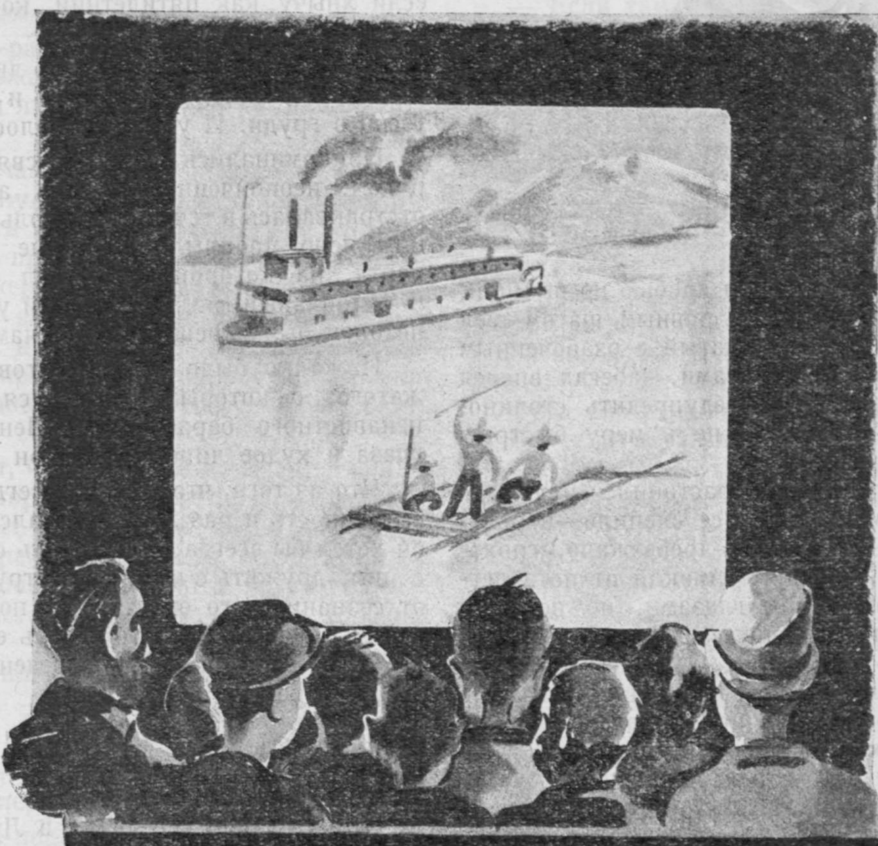
Спящие дома сурово смотрели на него, каждая подворотня встречала его укором,—а перед глазами плыла река, неслись заросли со страшной быстротой, полосатые звери разевали зубастые пасти, на экране завертелось и в зале стало светло. И выходя такой же ночью из кино, Сашка газетчик и он заключили торжественный договор на жизнь и на смерть — отправиться в далекие страны, в бассейн Амазонки.

Вспоминая свой горячий обет Сашке, Петр остановился у своих ворот и позвонил. В глубине двора отозвался голос. Это была мать. Она, предупреждая дворника, только натягивавшего сапоги, бежала к воротам.

— Это ты, Петя?

Подошел и дворник, отворил ворота и мать накинулась на Петьку.

— Ну разве так можно, я заснуть не могла, всем ворота открывала, а ты все не приходишь... ну разве так можно, нужно было раньше притти с гулянья.

Они вместе смотрели картину «Путешествие по Амазонке»

Дома ждал его ужин теплый. Сестренка Роза проснулась в своей кроватке и заворочалась.

— Ма-а-ма... что ты даешь Петьке?.. дай мне тоже...

Знакомый запах дома, привычные стены, коврик на полу, шкаф, его кровать—теплая, мягкая. Укладываясь под одеяло, Петька с острой болью оглянул комнату.

Мать подошла к нему, заправила одеяло.

— Ну что, весело было?.. Купался наверно на глубоком месте. Который раз прошу я тебя. Ты наверно купался... Хорошо уж и то, что вожатый твой славный молодой человек, очень хороший. Он хвалил тебя тогда на вечере в школе.

— Да, он хороший, очень хороший...

Петьке сильно хотелось сказать маме что-то такое, что сразу облегчило бы его, но он только вздохнул и закусил губы. Мать потушила свет и ушла в кухню мыть посуду. Он прислушивался к ее движениям, к ее кашлю и незаметно заснул.

5

Рано утром, когда все еще спали, тихий свист со двора поднял на ноги Петьку.

На дворе у ворот стоял Сашка и свистел. В предрассветном сумраке едва обозначалась его фигура. На небе бледнели звезды. В одной рубашке прокрался Петька к выходу, открыл дверь и вышел к Сашке. У закрытых ворот они стали совещаться.

— Значит сегодня в 7 часов ты будешь ждать меня в Высоком переулке, понимаешь?

У Сашки голос был тверд и спокоен, рука тепла, от него веяло уверенностью.

— Хорошо, только...

— Ну, что, сдрейфил...

— Нет...

— Эх, ты... а обещал, как мужчина... куда ты годишься, только обещать можешь. Слышишь, если не сегодня, так никогда. Потому что нам будет трудно. А сегодня можно... ну... все готово... Мы сразу двинем на Большой Фонтан, оттуда назад, чтобы запутать след, если за нами погонятся, а там лафа—по ровной дороге, берегом и берегом... карта есть...—Быстрый горячий шопот Сашки, как боевой сигнал, подействовал на Петра. Все стало просто и ясно — конечно, бояться нечего, и жалеть тоже некого. Предчувствие больших опасностей уже не ужасало, а бодрило. Петька уже готов был хоть сейчас двинуться в путь. Утро свежо и ясно, погода чудесная. Он глядел на бледные звезды, на прекрасные бледные краски предутреннего востока— и дальняя великая река, и чудесные приключения в дремучих лесах, и запах жарких тропиков, и великий сказочный мир чужих стран звали его к себе.

— Хорошо, ровно в 7. Я приду из школы и сразу в город...

— Дурак, чтобы сразу заметили.

— Тогда по сигналу, по твоему сигналу.

— Мешки с хлебом, припасы я сам понесу заранее, мне легче. Ну, так по рукам значит,—и смелой твердой походкой Сашка пошел к своей квартире.

6

Какой жаркий, странный день выдался на завтра. Некогда было думать о матери, о доме, о товарищах. Деревья, желтые от зноя, пестрят в глазах.

Хорошо, что дома никого нет. Мать наверно у соседей, в комнате пахнет травой. Цветы на подоконнике. Роза играет на дворе с детьми.

Сашка велел взять из дома пальто. Нужно из шкафа вытащить.

Ух, наконец. Пальто свернуто в пакет. Все готово. Почему же Сашка не свистит, или забыл? Почему же во рту, словно касторку выпил, тошно? Грустно.

Ставни прикрыты, в комнате прохладно, а на дворе желтый зной. И Сашка не свистит. Что это?.. кажется, он. Да... пора. Сердце бьется так, что груди больно, ноги слабеют.

Петька, как в обмороке, выходит на двор со свертком и, не глядя, не оборачиваясь, идет к воротам. Он слышит сзади писк резвящейся Розы, чей-то голос, спина его словно обливается холодной, затем горячей водой, в глазах темнеет.

Но за воротами он прибавляет шагу, бежит, запыхаясь, и прибегает к холму, поросшему чахлой травой. За холмом пустырь. Сбоку тянется невысокая серая уличка с покосившимися стенами— это и есть Высокий переулок.

Сзади догоняет Сашка. У него на плечах большой узел. Он дышит, как лошадь. Скуластое узкоглазое лицо его сердито и испугано.

— Бежим скорей, кажется, узнали...

Ничего не сознавая, цепенея, несется Петька за Сашкой. Сашка бежит, оглядывается и вдруг ныряет в подворотню одного дома.

— Сюда.

Петька влетает туда же, спотыкается, падает, ушибает колено и прижимается к мешку. В зубах вкус крови. В глазах круги.

— Ну, уже... прошли... понимаешь, фатер мой увидел меня, зараза, и как-раз за мной... ну валяй, только скорей...

Петька снова на улице, снова бежит и за поворотом улицы он видит платье своей матери.

Сверток давит, тяжело итти. Солнце жжет шею. Но уже за ними не гонятся. Прерывисто дыша, идут они, Сашка быстро, Петька с трудом поспевая по длинной окраинной улице, ведущей к вокзалу.

На 7 версте за городом на полустанке, на раскаленной солнцем платформе они садятся.

— Поедим чего-нибудь, — Сашка развязывает узел и вынимает помидоры.

7

Вокруг пустынно и тихо. Товарные красные вагоны ждут паровоза. Две торговки с корзинами багровеют в тени. Петька жует теплые помидоры, хлеб, горло не повинуется ему, словно после плача. Оно сжимается и с усилием пропускает пищу. Сашка уверенным движением режет хлеб, вынимает из мешка бутылку ситро.

— Видал?.. Хочешь выпить?

— Нет,—говорит Петька, и в самом деле ему не хочется.

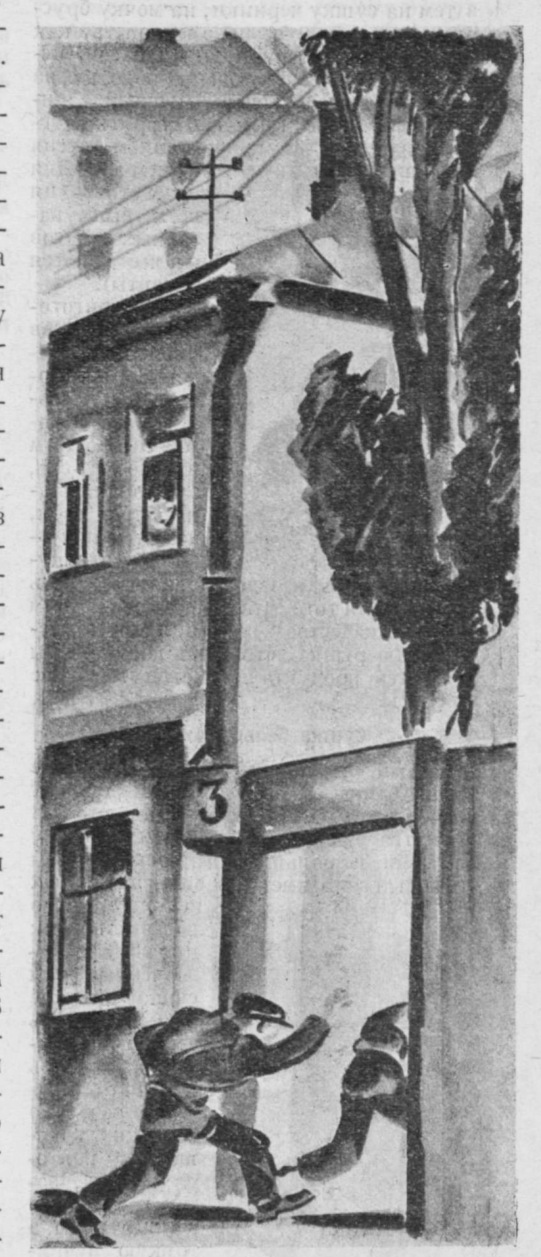
— Ну ладно, я один буду...

Сашка пьет, высоко запрокидывая голову. Петька с тяжелым недоумением глядит на него, на его движения. Зачем, почему он с ним пошел. Он совсем чужой ему, незнакомый, страшный. Петька совсем не знает его и не любит и вот он должен теперь с ним делить пищу, итти на край света. А вокруг пахнет кислой, прелой травой городских окраин, жарко, над головой тяжело стоит пустое свинцовое небо с пылающим солнцем.

Сашка что-то говорит ему, кажется, он выбирает новый путь—поездом к Жеваховой горе, затем уже по берегу моря. Что-ж, пусть так, все равно.

В 6 часов приходит дачный поезд. Беглецы садятся в вагон. Покачиваясь на скамейке, Петька глядит через окна на проносящийся путь. Ему хочется, чтобы он длился до самой Амазонки. Но через две минуты поезд сбрасывает их в дикой, сожженной солнцем, солончаковой местности, которая называется пересыпью, и отсюда-то начинается самое страшное. Пыльная широкая дорога уходит в мрачные дали. Кругом ни души. В стороне вырисовывается труба завода. Какие-то мрачные приземистые амбары, кажется, железно-

(Продолжение на стр. 14)

Сашка вдруг ныряет в подворотню

ГОРЯЧИЕ ЗАВТРАКИ НА НОСУ

—У нас,—рассказывали де ты рабочих детей Англии,—одним из главных требований пионер школах является организация горячих завтраков. Ведь многие ята живут далеко от школ, приходят усталые и голодные и, ечно, учение им плохо в голову лезет. Вот мы и требуем, что ородское управление и школьные власти устраивали бы для шко иков горячие завтраки. Но нам очень редко удается добиться ей цели...

Мы же с вами, ребята, ж м в такой стране, где дело организации горячих завтраков на ится в значительной части в руках самих ребят. Нам не на ороться за школьные завтраки. Все пойдут нам навстречу.

Главное—это привлечь ро елей. Тут ребятам надо и дома убедить мать да отца как с ует, и на родительское собрание повестку в роде следующей п ести:

В субботу 17 сен ря, в 5 часов вечера, вы приглашаетесь на родительс собрание по вопросу об организации горячих завтрак

Отсутствие пита я в школе плохо отражается на успешности школьных ятий. Если вы хотите, чтобы ваши дети хорошо учи сь и были здоровы, вы должны принять участие в ус йстве в школе горячих завтраков.

Каждый из ребят должен ма порыться, поискать, нет ли чего-нибудь, что может приго ся для организации завтраков: котла, стола и т. п.

Форпост должен привлечь работе и пионерский отряд. Если у отряда есть столярная мас кая, пусть устроит столы и скамейки, а переплетная может на ать лозунгов и таблиц для меню.

Самое главное же, что м ут проделать ребята сами,—это составить смету на оборудова и организацию завтраков.

Вместе со школьным врачо составьте приблизительные меню завтраков. Затем в ближайше ооперативе узнайте цену продуктов, из которых будут готови автраки.

В городах же, где есть от ения общества „Нарпит", попробуйте договориться с ними. В ошлом году в целом ряде школ ребята договорились с „Нарп м", и оно привозило в школу горячие завтраки уже готовым

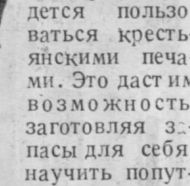
КАК СУШИТЬ И СОЛИТЬ ГРИБЫ

М. ЗОРИНА

Белые грибы

Опенки

Теперь главное внимание надо обратить на заготовку запасов из грибов, затем на сушку черники, на мочку брусники и можно еще рекомендовать, как бесплатный материал для запасов, использовать и картофельные яблочки, из которых выходит очень вкусный маринад. Из рябины же можно сварить вкусное варенье, с прибавлением очень небольшого количества сахара. (Для приготовления всех вышеуказанных запасов ниже даются рецепты).

Рыжики

Для приготовления запасов пионерам придется пользоваться крестьянскими печами. Это даст им возможность, заготовляя запасы для себя, научить попутно и хозяйку-крестьянку, как надо правильно делать запасы для того, чтобы продукты своим видом и качеством подходили бы к требованию рынка, что очень повысило бы ценность продукта и помогло его лучше продать.

Сушка белых грибов

Белый сухой гриб содержит в себе много белка, к тому же очень духовит и вкусен, а потому не мудрено, что эти качества дают ему первое место между грибами и большую ценность. Чтобы сушеный гриб имел хороший вид, запах и вкус, надо поступать так: перебрав назначенные для сушки крепкие грибы, очистить их и сухо обтереть, отрезать корешки, оставляя около шляпки корешок на полтора пальца, затем грибы надо нанизать на тонкую лучинку или тонкий сухой прутик, надевая сначала более крупные грибы, а затем все мельче и мельче; такие прутики с грибами надо класть в печь на тонкий слой постланной сухой ржаной соломы. Температура в печке должна быть такая, какая бывает после выпечки хлеба. Если грибы посадить сушить в очень горячую печь, они темнеют и даже могут подгореть, и вкуса в таких грибах не будет; если же их посадить в чуть теплую печь, так что они за одну ночь не пересохнут, а только сделаются скользкими, то такой гриб теряет много соку и никогда при досушивании не будет хорош; кроме того, грибы не должны быть положены кучею друг на друга,—такой способ сушки совсем не годится, так как кроме того, что гриб потеряет много соку, он будет иметь кисловатый запах. Когда на другой день грибы высохнут, их надо снять с прутиков и в те же дырочки нанизать на толстую нитку так, чтобы грибы были подобраны по росту: внизу крупнее, а кверху мельче. Все грибы должны быть нанизаны так, чтобы корешки были кверху, и все шляпки должны иметь беленькую подкладку; те же грибы, которые имеют зеленоватотемную подкладку, хотя бы и не червивые, считаются грибами 2-го и 3-го сорта. Пересушивать грибы ни в коем случае не следует. Пересушенные грибы достаточно одну ночь подержать в сыром месте и они отеолгнут.

Грузди

Сушка опенок

Сушеные опенки почти не уступают в питательности, духовитости и вкусу белому грибу, а при условии, что опенки родятся в огромном количестве, сделать из них всевозможные запасы очень легко. Сушить опенки надо следующим образом: обрезав корешки, шляпки опенок засыпают тонким слоем на солому, но не в такую горячую печку, как белые грибы, при чем слой их не должен быть толще вершка, иначе опенки не успеют хорошо просохнуть в одну ночь. Недосушенные же опенки склеиваются, быстро загнивают и теряют свой прекрасный запах и вкус.

Сушка остальных грибов

Сушить можно все те грибы, которые не имеют горечи в сыром виде. Хороши сушеные березовые грибы и маслянки, они идут в супы и начинку так же, как опенки. Сушить надо же одни шляпки молодых грибов и в п класть в один ряд на солому.

Подберезовики

СОЛКА РИБОВ

Первосортными гри и для солки считаются рыжики, груз белянки; солить их надо всякий сорт от ьно.

Солка жиков

Рыжики не моют, обтирают, обрезают корешки и кладут в к чку рядами, шляпками вверх.

Дно кадочки посы от солью, и каждый ряд грибов пересып также солью. Соль берется сухая, ме толченая, полтора стакана на одно ведр ыжиков.

Свинушки

Маслята

Когда кадочка наполнится, то сверху кладут кружок с камнем. Когда рыжики осядут, то их следует доложить ногыми, а не оставлять кадочку неполной.

Когда кадочка будет полна, засыпать ее сверху солью, заложить чистой тряпочкой, положить кружок и гнет.

Если на грибах появится плесень, то надо тряпочку переменить, кружок и гнет вымыть, а края кадочки обтереть охлажденной кипяченой водой.

Солка груздей и белянок

Грузди, белянки моются, отскабливаются ножом, у них обрезаются корни и грибы кладутся в холодную воду. Чтобы уничтожить горечь, которую имеют эти грибы, держать их в воде надо не менее суток, меняя воду по крайней мере три раза. Затем, откинув их на решето, солить так же, как рыжики.

Солка второстепенных грибов

Второстепенные грибы—березовики, маслята, модные подосиновики, свинушки, сыроежки, лисички и подберезовики—прежде, чем солить, кипятят в соленой воде, затем откидывают, дают им стечь и остынуть и кладут в кадочку рядами, шляпками вверх, пересыпая каждые два ряда солью и укропом. На 10 фунт. грибов надо брать $^1/_8$ ф. сухой соли. Кадочку с этими грибами можно добавлять ежедневно, не разбирая сортов, а когда кадочка будет полна, следует положить укроп и лист черной смородины, сверху заложить деревянным кружком, а на него положить нетяжелый камень.

Приготовление грибов в уксусе

(Маринование)

Отрезав шляпки белых грибов или опенок, моют их и кладут на сутки в холодную воду, затем откидывают на решето и дают стечь воде.

В эмалированную посуду, с неиспорченной эмалью, наливают уксус, беря на бутылку воды одно деление эссенции; на бутылку такого уксуса кладут полвершка корицы, 10 головок гвоздики, 10 зерен перца, 2 лавровых листа, полчайной ложки соли, 1 столовую ложку сахара и ставят кипеть. Когда уксус закипит, кладут в него грибы и варят. Когда грибы готовы, остудив, перекладывают в банки так, чтобы уксус на полвершка был выше грибов. Сверху банку заливают салом или подсолнечным маслом и обвязывают пергаментной бумагой.

ГРИБЫ В УКСУСЕ, ПРИГОТОВЛЕНИЕ КАРТОФЕЛЬНЫХ ЯБЛОЧЕК И СУШКА ЧЕРНИКИ

Подосиновики

Маринование картофельных яблочек

Картофельные яблочки появляются на ботве картофеля, когда он отцветет. Яблочки эти надо собрать, пока они еще зелены и тверды, обмыть водой и положить их мочить на двое суток в рассол, сделанный следующим образом: на пять стаканов прокипяченой воды берется один стакан соли. После мочки в соленой воде их надо откинуть и затем варить в уксусе так же, как маринованные грибы. Когда яблочки станут полупрозрачными, но не мягкими, надо их остудить и переложить в банки так же, как маринованные грибы.

Лисички

Моченая брусника

Свеже набранную бруснику надо перебрать, промыть и откинуть на решето, затем уложить ее плотно в банку или кадочку и залить следующим отваром: на каждое ведро воды берется $^1/_4$ ф. (100 гр.) сахару, кусочек корицы в один вершок длины и 20 головок гвоздики. Все это надо прокипятить, остудить и залить бруснику. Сверху брусники положить деревянный кружок и на него нетяжелый камень. Беречь надо в прохладном месте.

Сушка черники

Свеже собранную чернику надо хорошо перебрать, но ни в коем случае не мыть. Затем, насыпав чернику на чистое сухое решето слоем не больше $^1/_2$ вершка, посадить ее в печь после хлеба и дать ей просохнуть. Сушить до тех пор, пока она станет клейкой, но не сырой, так что взятая в горсть и сжатая, она хотя и слипится в комок, но сока не выпустит.

Сыроежки

дорожные, тянутся с другого бока, а в переулке рябит и сверкает что-то.

— Это порт,—говорит Сашка и, поправив мешок, уходит от этого единственного светлого места в пыльную дорогу; хромая (он ушибся), плетется за ним Петька.

8

По кручам спускаются к морю дети. Петька скользит, цепляется за кустарник. Сзади катится пущенный под гору Сашкой мешок и ударяет Петьку в спину, Петька кубарем летит под гору и падает в овраг. Сзади взрывается хохот Сашки.

Ему кажется, что он уже никуда не дойдет, что в страшной и равнодушной близости моря он погибнет от жажды. На губах у него вырастают корки. Он отрывает их с кровью. Все горит у него внутри. Наконец, он наклоняется к темной играющей воде прибоя и набирает в ладони воды. Но вода солона и пахнет гнилью.

«Пить, пить!»—кричит все тело.

— Са-а-шка,—плачет Петька.

Сашке и самому хочется пить. Он опять лезет вверх, на плоскогорье, на степную дорогу. Собравшись с силами, карабкается по сухому взгорью и Петька.

Шатаясь, идет Петька. Сашка набредает на изгородь. Это экономия. Он оставляет Петьку с вещами под деревом, уходит куда-то в темноту и возвращается с полной манеркой. Петька хватается за нее жадными руками, выплескивает воду, припадает к ней и пьет, пьет без конца. Сашка вырывает у него котелок, ругается, но Петька не может кончить. Он вливает в себя воду громадными глотками и тело его так сладко и больно ноет...

Но вот Сашка снова вьючит на себя мешок. Снова надо итти. Но куда? Даль неизвестна и страшна. И ноги распухли. Только теперь, избавившись от одного горя, Петька с ужасом видит, что ноги его никуда не годятся. Он, кажется, вывихнул себе лодыжку. Ему трудно встать.

— Эх, ты баба, знал бы, не связывался, — ругается Сашка.

Но руганью не поможешь делу. В ста шагах от экономии они останавливаются и садятся на теплую пахучую землю у столбовой дороги.

— Ляжем, чорт тебя возьми,—ворчит Сашка и лезет в ров.

Петька беспомощно глядит на то, как Сашка устраивает ночлег во рву. Он копошится там в кустах, расстилает пальто и рогожку.—Ну лезь!..— Странное головокружение овладевает Петькой. Как во сне лезет он вниз в сырую прель рва, ложится...

Страшная тишина падает на них с черного неба. Где-то вдали кричит какая-то птица—«гук-гук».

Комары вьются над Петькиной головой и жалят то в шею, то в лоб. С неба гудит, тяжело плачется что-то большое и страшное. Ему становится жутко.

— Сашка, Сашка, что это такое?

— Спи, дурак... это телеграф,—рычит Сашка.

До утра длится полу-явь, полу-сон.

Просыпается Сашка. Он хмур и заспан, плюется.

— Собирай костер!

Собрав хворосту, с трудом разжигают костер. Сашка ставит котелок с остатком воды, сыплет фасоль. Костер трещит. Вода быстро усыхает. Фасоль сморщивается. Она невкусная и без соли. Тяжелая тоска гнетет Петьку. Прожевывая пресную сырую фасоль, чувствуя во рту вкус слез, он глядит в сиреневые дали утра. Там далеко залегла чугунная полоса ночи, там город.

А в противоположную сторону тянется длинная, мучительная, как и вчера, дорога, опять жажда, опять сон на земле, опять страшный Сашка.

И внезапно поняв, что никогда, никогда он не пойдет вперед, Петька бросается ничком с фасолью во рту на землю и плачет, плачет, как маленький ребенок, горько и неутешно.

Сашка, открыв рот, смотрит на него и не смеется.

— Ну, ну, — говорит он, — приходится нам назад итти, даром только собирались, даром я у фатера утащил портсигар,—и с горькой усмешкой любуется на серебряную вещицу скуластый удалец.—Ну,—вздохнув, подымается он на узловатые ноги, — идем, клоп... идем назад.

Петьке после слез стало легко. Он идет назад с такой же радостью, с какой тревогой и тоской шел вчера сюда.

Они приходят в город уже к вечеру, скрываясь весь день на окраине, они, наконец, скрепя сердце, появляются на родной улице в теплой, испещренной электрическими огнями мгле летнего вечера. У ворот стоят знакомые соседи.

Встречают его лучше, чем он предполагал. Мать, обрадованная находкой своего сокровища плачет от радости и забывает попенять его. Отец, смеясь, ходит вокруг него. Сестренка, карабкаясь на отца, поворачивает к нему розовую мордочку.

— Путешественник, путешественник...

А в противоположную сторону тянется длинная, мучительная дорога

ЧТО ЧИТАТЬ

А. НИМАН. Питер Мариц — юный бур из Трансвааля. Историческая повесть в переработке А. Дермана. 205 стр. Изд-во «Молодая Гвардия».

Кто любит читать про приключения, тот не оторвется от Питера Марица, не дочитав книги до конца. Повесть описывает то время, когда Англия пробивала себе дорогу к сокровищам Южной Африки. Южную Африку населяли в то время вместе с туземными негритянскими племенами—пришельцы из Голландии — буры. Буры не ладили с туземцами, Англия же вздумала захватить себе кусок земли с богатейшими в мире алмазными россыпями. Войну Англии с бурами и неграми описывает эта интересная книга. Буры, тяжелый на под'ем, но крепкий и выносливый народ, дрались храбро и упорно за свою независимость. В книге описываются приключения молодого бура Питера Марица Бурмана. Он был в плену у негров-зулусов, служил у англичан переводчиком, потом дрался против них. С ним случаются необыкновенные происшествия. Хитростью и ловкостью он много раз избегает неминуемой гибели, его храбрость и находчивость дают возможность бурам застать англичан врасплох.

Книга очень хорошая. Жаль только, что издательство не догадалось написать к ней предисловие, которое хорошо бы об'яснило смысл бурской войны и ее причины. Из книги без предисловия это трудно понять.

Рисунки художника В. Бехтеева очень хороши. Книга в прочном переплете (не сразу порвется). Четкий шрифт. Стоит она 1 р. 85 к. в переплете.

А. Грин. Вокруг центральных озер. С иллюстрациями худ. С. Волуцкого. 107 стр. Изд-во «Молодая Гвардия».

Книга А. Грина описывает путешествие Стэнли, выехавшего на поиски знаменитого путешественника и исследователя Центральной Африки Ливингстона. Книга написана неплохо, ребята прочтут ее с интересом. В ней много приключений, хотя без некоторых из них можно бы обойтись. Не нужна история с кладом. И без него можно было построить увлекательную повесть о действительно случившихся приключениях, о настоящих опасностях. Книгу можно советовать читать ребятам с 12—13 лет.

ЧЕГО НЕ НАДО ЧИТАТЬ

В. ЮРЕЗАНСКИЙ. — Клад. Повесть о юных пионерах, их жизни, подвигах и приключениях. С иллюстрациями худ. Г. М. Шегаль. 98 стр. Изд-во «Молодая Гвардия». Цена 1 р. 20 к.

Ребятам - пионерами не приходит в голову, что легче писать о жизни обитателей Марса или еще неоткрытой звезды, чем о жизни пионеров в СССР. Для писателя Юрезанского это, конечно, так и есть. Если бы он нагородил столько невероятной чепухи и несусветной бессмыслицы о марсианах, ему пришлось бы верить на слово; тогда же, когда он пишет о пионерах, мы можем опровергнуть его, а то и просто посоветовать не читать написанной им книжки. Писатель не всегда должен писать о том, что случилось на самом деле, но он должен во всяком случае описывать то, что по крайней мере могло случиться. Если он этого не делает, то получается вещь неправильная и неправдоподобная. Тоже самое получилось с книгой «Клад». Пионеры Гамбурга пригласили в гости краснозаводских пионеров. Получив разрешение КИМ'а, паспорта и деньги, несколько пионеров уехало. Предположим, что так могло случиться. Оставшиеся в СССР ребята уезжают в лагерь. Лагерь проходит сверх'естественно хорошо, вся жизнь идет гладко, как по маслу. Вдруг ребята получают известие, что их товарищи арестованы в Польше. Оказывается, проездом через Польшу наши пионеры (к счастью только выдуманные писателем Юрезанским) занимались агитацией среди польских скаутов (как белая Польша позволила агитировать среди скаутов и как сами скауты на это пошли, непонятно), но арестовывают их вовсе не за агитацию, а за то, что на даче, где они находились, нашли бомбы. Поляки решили, что эти бомбы принадлежат пионерам и арестовали их.

Ребята в СССР решили освободить арестованных в Польше товарищей. Для этого им нужны деньги, чтобы подкупить тюремщиков. Деньги они решают добыть оригинальным способом. Вместе с работающим около лагеря профессором они решают раскопать курган, найти там клад, продать его в Госбанк, получить деньги, переправиться в Польшу и освободить товарищей. Все удается, как по-писанному. Клад найден, деньги получены, ребята освобождены.

Вот что написано в книжке, а на самом деле ничего похожего и случиться не может.

Делегацию пионеров Польша у себя терпеть не будет, агитировать им и так не позволит, бомбы для этого не нужны. Но самое бессмысленное—это, конечно, история с кладом. Если пионеров возможно было освободить, так для этого найдутся люди и в самой Польше; не детям, которые даже польского языка не знают, браться за такое серьезное дело. Ну, какой же тюремщик станет разговаривать с ребенком о серьезном деле, которое грозит ему (тюремщику) тяжелым наказанием?

Если пионеры и нашли клад, то они должны сдать его без всякого вознаграждения, потому что это собственность государства.

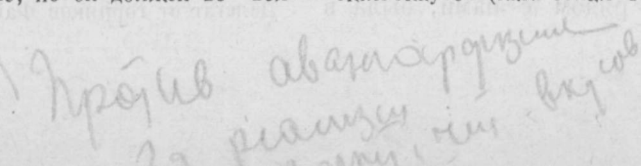
Много еще чепухи нагорожено в этой книге, рассказывать все не стоит и самую книгу читать тоже не стоит.

Те ребята, которые захотят использовать эту книгу, как рецепт для работы за границей, жестоко ошибутся. На самом деле там все трудней и серьезней. Такая книга, которая описывает неверно революционную работу за границей, не только не нужна, но и очень вредна.

Издательство «Молодая Гвардия» напрасно издало этот «клад».

Несмотря на плохое содержание, внешность книги хорошая, хорошие обложка, бумага и шрифт.

АНГЛИЙСКИЕ ГОСТИ В СССР

Милые и дорогие молодые друзья!

Посылаю всем вам горячие приветы. Ваши делегаты-пионеры, которые привезли прах Мак-Мануса, хорошо сделали, что прорвали блокаду и пробрались к нам.

Правительство могущественнейших британских империалистов, которое пыталось „не пустить“ детей рабочего класса в СССР, не в состоянии было одержать победу над этими детьми, нашими друзьями.

Мы надеемся, что скоро эти дети подрастут и помогут своим отцам и матерям свергнуть иго капиталистических угнетателей.

Будьте здоровы, бодры, храбро сражайтесь за дело рабочих всего мира.

Long life the world revolution!

(Да здравствует мировая революция!)

Ваш Н. Бухарин

ЭТОГО В АНГЛИИ НЕ УВИДИШЬ

Пионерские лагеря произвели на меня громаднейшее впечатление, так как в Англии таких вещей не найдешь. Прежде всего я был поражен самодеятельностью пионеров, тем, как они сами ведут работу всего лагеря. Я видел, как пионеры живут в течение дня и как вся лагерная работа разделяется между отдельными звеньями. Я был во многих лагерях и колониях и везде инициатива большей частью принадлежит пионерам.

Этот снимок сделан в Лондоне. Делегаты смеются, потому что, несмотря на запрещение английского правительства, они все же попадут в СССР

Второе, что меня поразило, это — изумительная дисциплина русских пионеров. Они всегда готовы выполнить свои очередные работы. Особенно поражает образцовая дисциплина в тех лагерях, где находятся беспризорные. Все помещения содержатся очень чисто и уютны. Ребята выполняют свою работу добросовестно и своевременно.

Делегация надеется, что по приезде в Англию она использует русский опыт, и английские пионеры сумеют организовать пионерские лагеря. Конечно, не в тех размерах, в каких они существуют в СССР, ибо этому будут мешать капиталисты. Делегация уверена, что лагеря СССР будут улучшаться и сделаются еще более полезными для пролетарских ребят.

Вилли Беккер

ЗАБАСТОВКА ГОРНЯКОВ В ФАЙФЕ

Во время забастовки дети забастовщиков не получали питания в школах. Но комсомол Англии поднял кампанию с целью добиться бесплатного питания детей в школах. Везде комсомольцы устраивали митинги, особенно в тех районах, где положение было наиболее тяжелое. Семья, живущая рядом с нами, была в полной нищете; дети бегали по улицам босые и голодные. Свою изорванную одежду они получили в виде подачек от соседей. Никакой другой помощи детям не было.

Тем не менее комсомол и пионерские организации продолжали свою работу. Им пришлось бороться особенно энергично против некоего мистера Роберта Холмана, члена Независимой Рабочей Партии и чиновника министерства просвещения, который всячески боролся против устройства бесплатного питания для школьников.

Несмотря на все это, кампания все же закончилась частичным успехом. Дети получили бесплатный обед, правда, очень плохой, и кое-что из одежды.

Но и здесь мистер Холман старался ставить палки в колеса: он приходил тайком во время обеда, снимал фотографии с обедающих детей и помещал их в буржуазных газетах с об'яснением, что **«дети горняков весьма благодарны Независимой Рабочей Партии за обеды»**, что, конечно, **неправда**.

Джемс Миллер

Делегат от горняков Файфа (12 лет).

С ПЕНОЙ У РТА

КАК БУРЖУАЗИЯ КЛЕВЕЩЕТ НА ПИОНЕРОВ

Большевикам никого не удается надуть, кроме детей (карринатура из англ. буржуазной газеты)

Не успела делегация английских пионеров уехать из Англии, как все капиталистические газеты с пеной у рта накинулись не нее и на пионеров СССР.

Газеты придумывали самые невероятные и глупые истории, прямо состязались друг перед другом в клевете и лжи. Они пытались этим опорочить делегацию и те сообщения, которые делегаты будут присылать из СССР. Но едва ли это им удастся. Английские рабочие и их дети твердо знают, кто их друзья и кто—враги.

На этой странице мы помещаем статьи, взятые из трех английских газет.

ПОЕЗДКА ЮНЫХ КОММУНИСТОВ В СССР

(Письмо редактору)

Сэр, вопрос о том, чему смогут научиться в России 6 уехавших туда коммунистических детей гораздо интереснее вопроса об их паспортах (т.-е. о том, что они уехали без пас-портов).

Они поехали по приглашению большевистской скаутской организации, известной под именем «Красных пионеров».

Мы не сомневаемся в том, что английских детей выучат петь марш пионеров, который мы приводим:

«Мы разобьем вдребезги окна,
Мы вымажем двери дегтем,
Мы будем лаять на всех дорогах,
Ведь мы больше не на привязи!
Мы покорим всех девочек,
Не говоря уже о старухах,
Пуф, да, это так! (Во, и боле ничего!).
Мы пойдем в гости к буржуям,
И переломаем им все кости!
Пуф, да, это так!
Наш отец—коммунистическая партия,
Наша мать—женотдел советов,
Пуф, да, это так!

Возможно, что наши дети приедут готовыми начать вести в школах работу, подобную той, которая проводится большевиками через красных пионеров. В России в каждой школе существует «форпост», это младшие разведочные отделения Чека или тайной полиции, шпионящие за учителями и доносящие на них, если они проявляют малейшие признаки «реакционности». Форпосты также контролируют антирелигиозное воспитание и следят за ним, чтобы все ученики читали официальную антирелигиозную газету «Безбожник».

«Красные пионеры»—это страшная язва в жизни подрастающего поколения России, т. к. у них воспитывают антирелигиозные, антиморальные воззрения. Лекции, которые читаются в этой организации, посвящены главным образом нападкам на религию, мораль и семейную жизнь; членам организации советуют шпионить за собственными родителями и при всяком удобном случае поносить святость семейной жизни.

Каринатура из буржуазной газеты—„Попробуй, поймай делегацию!"

Цель коммунистического Интернационала организовать отделения «Красных Пионеров» в нашей и в других странах. Они пригласили в Россию 6 английских детей для того, чтобы те привезли с собой обратно и распространяли потом среди подрастающего поколения этот заразный разврат.

Ваш А. В. Сандерс

Почетный секретарь Экономического Союза Мидлендских графств.

24/VII—27 г.

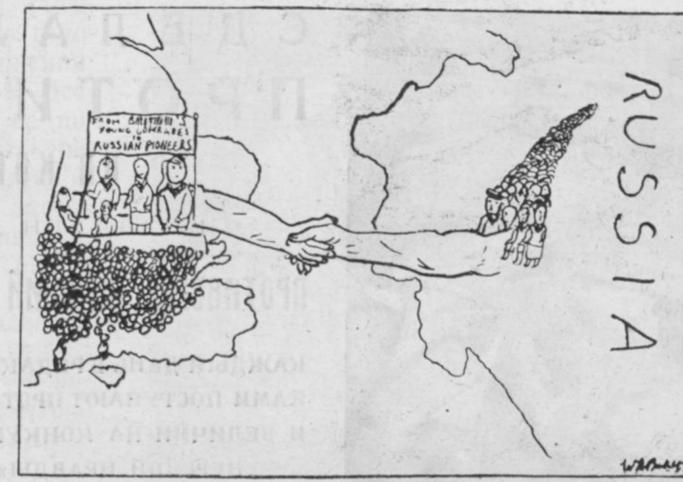

Рисунок члена делегации Вилли Беккера. Слева—Англия, справа - СССР

13 АВГУСТА ПРИЕХАЛА В СССР ДЕЛЕГАЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПИОНЕРОВ ИЗ 4 ПИОНЕРОВ И ВОЖАТОГО К УРАЛЬСКИМ РЕБЯТАМ, СВОИМ ШЕФАМ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРЕПКАЯ СВЯЗЬ РЕБЯТ ВСЕГО МИРА И РЕБЯТ СССР!

Как они лгут

ВИЗИТ К РЫКОВУ

Вот как представляет буржуазная газета пребывание английских детей у Рыкова.

— А скажите, пожалуйста, мистер Рыков, что за скелеты висят на стенах этой тюрьмы?

— Это, мой милый, те, кого у вас в Англии называют князьями и графами. Мы не любим их в России, т.-е. вернее, мы любим их в таком виде, как они здесь. Раньше в России было много графов и князей. Теперь нет ни одного. Вы можете проехать от Омска до Минска и обратно до Томска, от Зимска до Ремска и вы нигде не встретите ни одного графа или князя. Россия, мои дорогие, свободная и великая страна. Крикнем ура за Россию!

Ура! Ура! Ура!

— Великолепно. Теперь, дети, обратите внимание на это странное существо, которое приближается к нам. Оно тащится в лохмотьях и дикими глазами смотрит, не валяется ли где-нибудь корочка. Ну, детки, знаете, кто это?

— Конечно, сэр, это пугало.

— Нет, мои дорогие, это капиталист, т.-е., вернее, он когда-то был капиталистом. Много лет тому назад, когда Россия еще не была таким прекрасным местом, как теперь, существовали ужасные люди, называемые капиталистами; они производили разные предметы, а потом продавали их. Теперь, как вы это видите, этот солдат толкает его. Вот приближается еще один солдат. Он теперь будет толкать капиталиста или, может быть, отколотит его. Все происходит, как я сказал. Второй солдат бьет его дубинкой. Прокричим ура?

Ура! Ура! Ура!

— Мои дорогие, никогда не забывайте этого зрелища. Пусть оно глубоко западет в ваши юные и неиспорченные души. Знайте, что так надо поступать со всяким, кто когда бы то ни было имел какую-либо сумму денег. Надо довести его до того, чтобы ему стала противной самая мысль о деньгах, и чтобы он был рад отдать свои деньги вам.

— Но скажите, мистер Рыков, почему вы не убили этого капиталиста?

— Молодец! Ты задал очень хороший вопрос. Но позволь тебе сказать, что не бывает безукоризненной системы. Даже в России людям иногда удается спастись. Возможно, что палач устает, ведь, палачи работают только 8 часов. Или, может быть, палачу не понравилось его лицо, и он просто-напросто прогнал его. Это мы называем равенством всех людей. Результатом этого является то, что, к нашему большому стыду, некоторые капиталисты остались еще в живых. Но это все равно, оставшиеся в живых все хотели бы умереть. Понятно?

— Да, мистер Рыков. Спасибо, мистер Рыков.

— Теперь пойдемте завтракать. Берите, детки, рис и селедки. Потом, если вы будете умниками, мы посмотрим еще несколько капиталистов, но это только в том случае, если вы будете умниками.

Но вот великое путешествие подойдет к концу. Растроганные, с мокрыми от слез глазами будут стоять дети на перроне вокзала. Рыков и другие вожди России будут горячо прощаться с от'езжающими.

— Ну, детки, уверены ли вы в том, что вы хорошо провели время?

— Да, сэр. Очень хорошо.

— Чувствуете ли вы себя преступными?

— Очень.

— А кровожадными?

— Ужасно.

Тогда вернитесь к своим дорогим родителям. И помните, что не надо играть в индейцев и читать Красную Шапочку, а помните, что надо быть красными политиками... До свидания.

СДЕЛАЛ ЛИ ТЫ ПРОТИВОГАЗ

НА КОНКУРС?

ОН ПРОДЛЕН ДО 1 ОКТЯБРЯ

ПРОТИВОГАЗ ЛУЧШИЙ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ В РЕДАКЦИЮ «ПИОНЕРА» ДЕСЯТКАМИ ПОСТУПАЮТ ПРОТИВОГАЗЫ РАЗНЫХ ФОРМ И ВЕЛИЧИН НА КОНКУРС «ПИОНЕРА», «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ» И ОСОАВИАХИМА.

Лагерь на работе

МОРСКОЙ ЛАГЕРЬ

На этой странице напечатан опыт военизации 88 отряда Бауманского района г. Москвы. К сожалению, ребята не совсем хорошо выполнили то, что решили. Увлекшись водными занятиями, ребята забыли об общественной работе, да и кое-что из своего плана не выполнили. Это должно послужить остальным пионерам примером: не браться за многое, а лучше хорошо выполнить немногое.

Лист свежей газеты, пахнущий краской, лежит перед кучкой ребят, столпившихся встревоженной гурьбой и наперерыв старавшихся заглянуть в него. Что-то особенное было сегодня в номере.

— Ребята, — начал вожатый,— капиталисты стремятся вызвать войну. Мы не хотим воевать, но должны быть готовы к защите. Юные пионеры, вот наказ Центрального Бюро об изучении военного дела,—продолжал он, развернув «Пионерскую Правду».

Вожатый прочитал наказ. Тысячи мыслей закопошились в головах ребят. Тысячи предложений: записаться всем отрядом в Осоавиахим, собрать средства на постройку самолета, поставить спектакль в пользу Осоавиахима и, наконец, при выезде в лагерь изучать военное дело. Наконец, у ребят созревает план нашей водной станции.

— Ребята,—предлагает один вожатый звена,—мы сумеем закалить себя и подготовить себя к Красному флоту, если вместо простого лагеря организуем лагерь на воде.

Предложение принято. Решили выбрать комиссию по организации лагеря. Двое сейчас же со сбора едут искать подходящее место.

Обосновались мы в Джамгаровке, на берегу пруда, в одном гостеприимном детдоме и приступили к занятиям.

Прежде всего накупили синих якорей и, не нюхая еще воды, пошили их на левые рукава белых рубах, приобрели синие трусы и шаровары. Форма нашего флота готова.

Открытое заседание совета отряда, сыпятся всевозможные предложения о том, как назвать станцию: «Чайка», «Военно-морской всеобуч», «Ночь».

Наконец, останавливаемся на «ВСЮП» (водная станция юных пионеров) и «НОЧЬ»—(наш ответ Чемберлену).

Мы поставили перед собой следующие задачи:

1) Научиться грести на простой лодке.
2) Научиться всем плавать.
3) Разучить морскую сигнализацию (Морзе и семафор).
4) Провести ряд военных игр.
5) Заниматься физкультурой.
6) Изучить спасание утопающих в воде с приборами (спасательный круг, шар) и без них.
7) Строить плоты (одиночные и большие).
8) Изучить маскировку камышом.
9) Ловить рыбу.
10) Стрелять в цель из лука.
11) Общественная работа среди детских домов.

Весь отряд превращен в эскадровую команду, во главе стоит капитан (вожатый) и помощник капитана (помощник вожатого). Затем команда разбивается на пятерки—борт команды (по количеству ребят в каждой лодке). Во главе такой пятерки—боцман. Вожатые звеньев переименованы в кондукторов и они следят за проведением в жизнь постановлений звена и совета отряда. Режим дня у нас такой: с 8 ч. до 11 ч.—практические занятия на воде, с $12\frac{1}{2}$ ч. до 3 ч.—мертвый час и ужение рыбы, с 4 ч. 30 мин. до 7 ч.—теоретические занятия, сигнализация, топография, походы.

Бортнокоманда прыгает в воду

ПРОВОДЫ СОХИ АНДРЕЕВНЫ

Очерк А. КОГАНА

В ПУТИ

Не успел поезд отойти от Виндавского вокзала, как сразу чувствуешь, что настроение, разговоры едущей публики какие-то особенные—агрономические. Этим поездом ехали делегаты от крестьян различных губерний на Волоколамский праздник. Во всех углах шли оживленные споры о преимуществе многополья над трехпольем, об агрономах, о машинах, о породах скота, о выгодности посевов корнеплодов и т. д. Словом, не вагон, а живая книга сельскохозяйственного опыта и знаний. Незаметно, под разговоры, мы вечером приехали в Волоколамск. По дороге от вокзала до Волоколамска нас обгоняли группы пешком и на лошадях, и отовсюду до наших ушей доносились отрывки агрономических разговоров.

ПЕРВЫЕ ПОХОРОНИВШИЕ ТРЕХПОЛКУ

Волоколамский праздник был организован в знак уничтожения трехполки и перехода на многополье. Не просто праздник, а веселые похороны трехполки. Похоронить трехполку, это значит—поставить крест над крестьянской нищетой и отсталостью. При трехполье истощаются поля от посева однородных культур и урожай год от года все уменьшается. Трехполье не обеспечивает скот кормами, и весной крестьяне кормят свой скот сопревшей соломой с крыш. Трехполье—бич крестьянского хозяйства.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ ДЕРЕВНИ

Борьба с трехпольем в Волоколамске началась давно, в 1892 г. Борьба эта была тяжелая. После революции Советская власть получила в наследство по одному Волоколамскому уезду 254 деревни с трехпольем. Благодаря мерам, принятым Советским правительством, вниманию Моссовета, за последние 4 года эти деревни были переведены на многополье. Волоколамск первый в СССР будет занесен в список борцов за обновленную землю, за индустриализацию сельского хозяйства, за лучшую жизнь.

Модель многополья в Московском Доме Крестьянина

ОТ НИЩЕТЫ К БОГАТСТВУ

Многополье в корне изменило крестьянское хозяйство. Многополье заменило узкополосицу широкими полосами и дало возможность применять сельскохозяйственные машины: плуги, сеялки и жнейки. Многополье дало возможность завести посев клевера, корнеплодов и однолетних трав. Корма дали возможность завести скот. Скот дает хороший доход и навоз, а навоз поднял все урожаи. Словом, многополье за эти немногие годы коренным образом изменило лицо уезда.

МНОГОПОЛЬЕ ПОДАРИЛО ВОЛОКОЛАМСКУ 5.000 ЛОШАДЕЙ, 12.000 КОРОВ и 213.000 ПУДОВ МОЛОКА

В 1917 году в уезде было 22 тысячи лошадей, а в 1926 г. 27 тысяч лошадей. В 1917 году было коров 23 тысячи, а в 1926 году 35 тысяч. Лучшие корма улучшают скот. Все знают, что в среднем корова дает 40—50 пудов молока в год, а по Волоколамскому уезду средний удой—150 пудов.

КОРОВАМ НЕЧЕГО КРАСНЕТЬ

Есть коровы, которым нечего краснеть перед датскими; так, например, корова И. Г. Романова, записанная в контрольной книге под № 100, дала 263 пуда молока с содержанием жира в 3,9%. Корова является самой доходной статьей в хозяйстве. В 1915 году уезд вывез в Москву 21.000 пудов молока, а в 1926 году—234.000 пудов молока, или **в 11 раз больше.**

Сохи, деревянные бороны, цепы заменены плугами, жнейками, косилками, тракторами, молотилками. За последние годы удвоились урожаи ржи, картофеля и овса.

МНОГОПОЛЬЕ С'ЕЛО НЕГРАМОТНОСТЬ

Вместе с улучшением хозяйства заметно поднялась культурность крестьян. Есть деревни, где неграмотных можно по пальцам перечесть. Почти в каждом доме выписывают газету или журнал. Так, например, село Васильевское, Ярopольской волости, на 40 дворов выписывает 30 газет и в селе всего двое неграмотных. Достигнуто это, правда, не

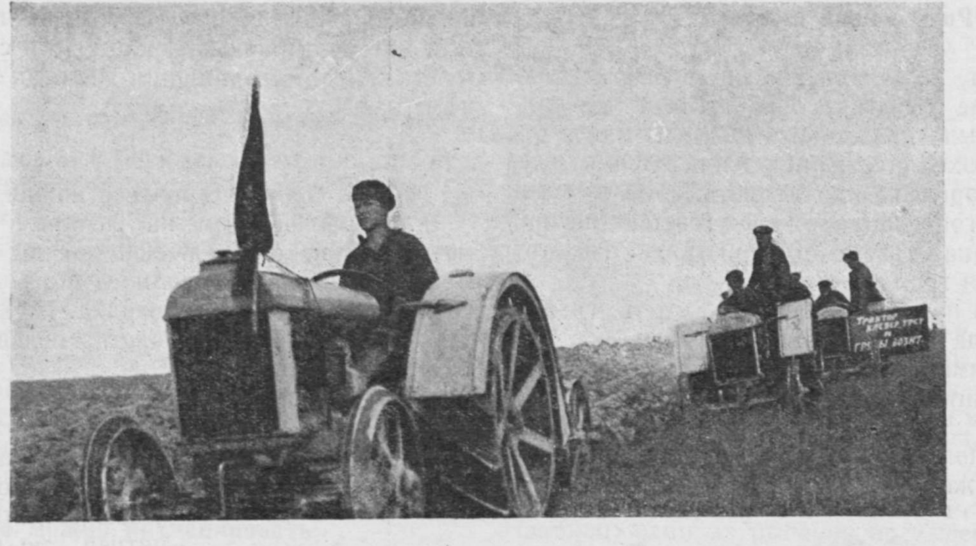
одним многопольем, но главным образом совместной работой с агрономами и кооперацией. Сейчас в уезде работают 35 агрономов. На агрономов перестали смотреть как на обузу и ненужного человека. Агроном является лучшим советчиком и гостем в крестьянском доме.

ОДНО ХОЗЯЙСТВО В ТРЕХ КООПЕРАТИВАХ

Когда увеличились урожаи и образовались излишки, крестьяне убедились, что раздробленным путем их сбыть очень трудно и выгоды от этого мало. Наладить правильный сбыт можно было только через кооперацию, что волоколамцы и сделали. До революции в уезде было только 3 молочных товарищества и ни одного контрольного союза, теперь в уезде имеются 32 товарищества и 14 контрольных союзов. Союзы научили крестьян правильно кормить и ухаживать за скотом, а товарищества наладили сбыт. 40% всех крестьянских хозяйств в уезде—члены кооперации. Нередко можно встретить хозяйство, которое состоит членом 3—4 различных кооперативов.

ВОЛОКОЛАМЦЫ ВСТРЕЧАЮТ ГОСТЕЙ

На площади, где происходило празднество, были выставлены: трактор, веялки, сортировки, лошади, коровы и самые различные диаграммы, отражающие работу всего уезда и отдельных деревень. Около всего этого толпились приезжие делегаты—крестьяне из других губерний. Делегаты читали, записывали непривычными к карандашу руками отдельные цифры, заглядывали лошадям в зубы, щупали коров, отсчитывали зарубки на рогах. Но не успевал делегат подойти к чему-либо, как представители деревни вступали с ним в разговор и давали об'яснения по всем вопросам. Волоколамцы рассказывали приехавшим, как они победили трехполье и те неудачи, которые встречались на их пути.

Парад тракторов

ПРОВОДЫ СОХИ АНДРЕЕВНЫ

— Напахались на Сохе Андреевне,—говорит волоколамский крестьянин, подводя курского гостя.— Не пахали, а орали, не работали, а мучились.

— Жить легче стало,—говорит другой,—бывало, за день так намахаешься косой, что приходишь домой и говоришь: давай, баба, квасу; квасу напьешься и завалишься спать. Есть бы надо, да сил не хватает. А сейчас, как видите, мужичонка я незавидный, в годах, а встану в 8 час. утра, семейство еще спит, лошадок в косилку запрягу и за всех сработаю. Глядишь, за 4—5 часов десятинки и нет. А посев? Бывало, посеешь рукой из лукошка и никак не потрафишь. То густо, то пусто. А сейчас, как посеешь рядовой сеялкой, так словно солдатики стоят. Ведь последние годы по трехполке не рожь, а костер родился, а сейчас, ручаюсь, по ржи костерину не найдешь. Все семена сортируем и поля вó-время обрабатываем. Денег, правда, в запасе нет, но зато жить легче стало.

КРЕСТЬЯНСКАЯ КОРОНАЦИЯ

— Что говорить,—говорит при прощании один делегат,—не праздник, а настоящая крестьянская коронация.

— Хоша воробьиным шагом, но двигаемся,—говорит другой делегат,—а сейчас, когда приеду да расскажу своим, так на рысь перейдем.

Целых 2 дня по площади ходили приезжие гости, рассматривали и расспрашивали волоколамцев об их достижениях и, прощаясь, говорили, что последуют их примеру и пойдут по их пути.

БЕЛЬМО ЧЕМБЕРЛЕНА

Среди всей этой торжественности крестьяне не забыли, что все их успехи являются бельмом в глазах Чемберлена. На знаменах прибывающих крестьян красовались надписи:

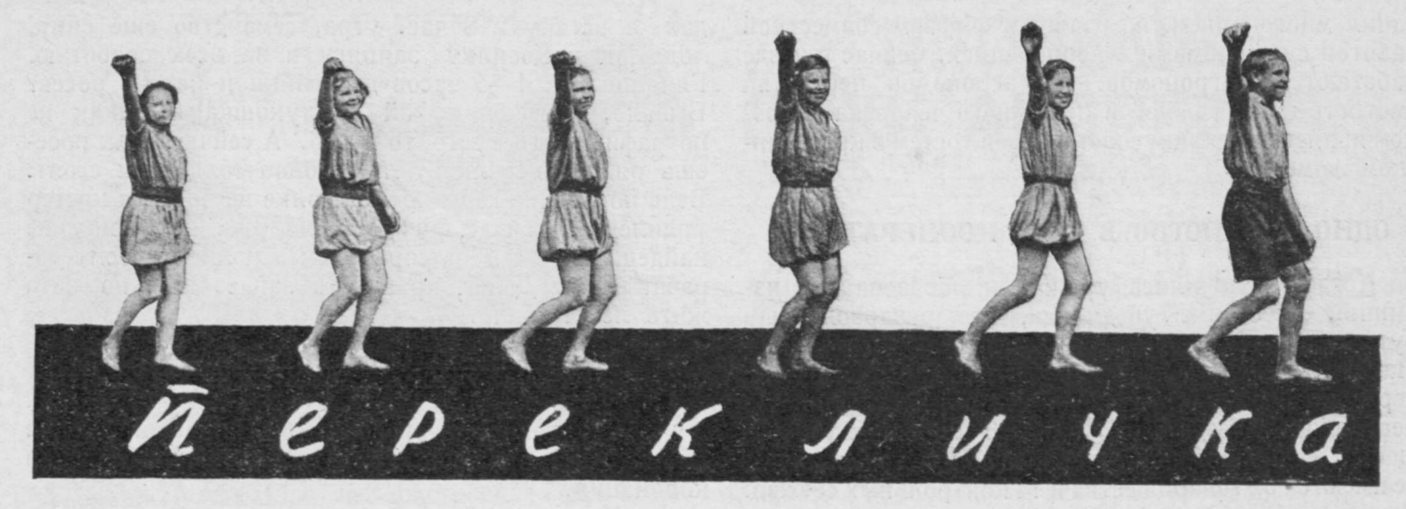
Наш ответ Чемберлену — ликвидация трехполки

ЗАВОЕВАННОЕ БУДЕМ ЗАЩИЩАТЬ

По площади с кружками ходили крестьянки собирать деньги на постройку аэроплана «Наш ответ Чемберлену».

— Враги наши готовы в каждую минуту нарушить наше мирное строительство,—говорит председатель Моссовета тов. Уханов.

— Будем строить и крепить Советский Союз, но если враг дерзнет, то мы сумеем отстоять завоевания Октября,—был ответ делегата волоколамских крестьян. А в воздухе в это время реяли стальные птицы—знак смычки города и деревни, построенные на трудовые гроши рабочих и крестьян.

КАК НУЖНО СТАВИТЬ ЖИВУЮ

(См. К конкурсу на лучший
Статья Б. ИВАНТЕРА,

Роль живой газеты

Живая газета, как и другие виды газет, схватывает последние события, обрабатывает их так, чтобы удобней было представить на сцене или в отряде, и со сцены хвалит, порицает или клеймит все, что случилось хорошего или дурного.

И больше всего сходства в живой газете, конечно, со стенной. Стенная газета—рупор отряда. Но этот рупор только для грамотных.

Живая газета на то и живая, чтобы петь, громко говорить и, когда нужно, орать обо всем, что она считает необходимым сообщить зрителям.

Надо запомнить: *в отряде или в школе живая газета должна играть роль стенной газеты.* Живая газета должна иметь такое же значение. В этом—смысл живой газеты. Живая газета—это не пьеса, в которой рассказывается об одном событии, которое произошло когда-то и с кем-то. Живая газета живет сегодняшним днем так же, как и большая газета.

Факты

На чем должна строиться живая газета?

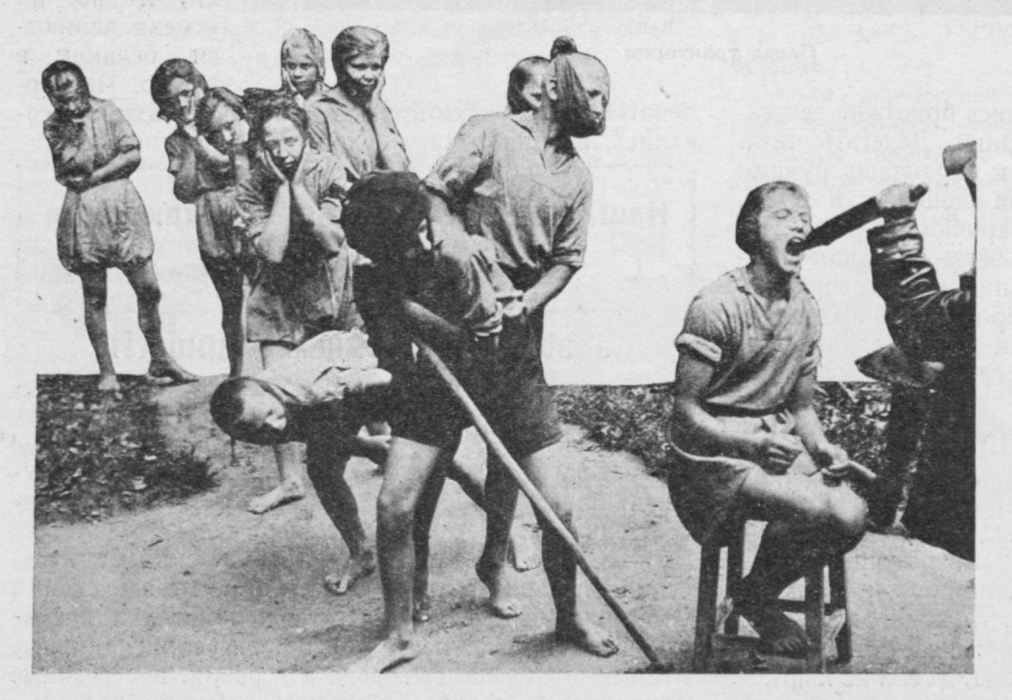
Главным образом на *местном материале*, на материале из окружающей жизни, *на фактах*.

Живгазетчики не должны выдумывать факты из головы или брать их с потолка. Но факт можно приукрашивать, преувеличивать, подавать в смешном виде.

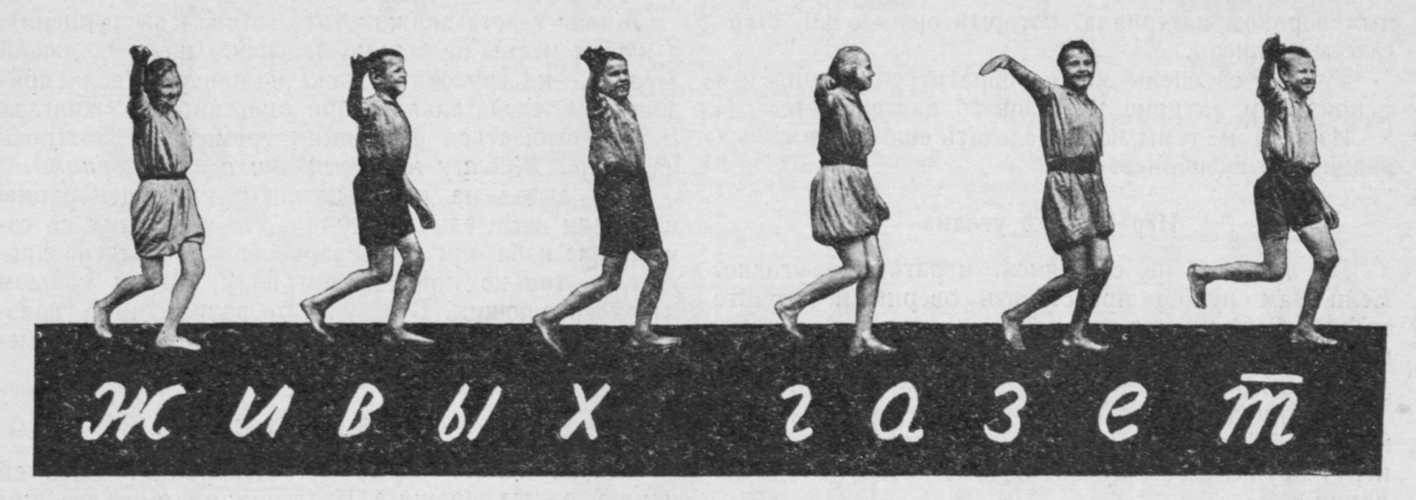
Надо соблюдать меру, чтобы не искажать факта и не показать того, чего и не было никогда. Карикатура в газете или журнале всегда изменяет людей в смешную или в страшную стороны для того, чтобы сделать их ярче и понятней, но всегда в основе карикатуры лежит факт.

Факты можно брать непосредственно из наблюдений. Живгазетчик видит, что учитель нехорошо относится к ученикам,—цап этого учителя в живую газету.

С другой стороны, живгазетчик видит, что группа ребят изводит преподавателя и мешает заниматься,—цап и их в живую газету. Пусть все видят и знают про это. Много есть тем в школьной и отрядной жизни. В баках нет кипяченой воды,—а ну-ка, сразу сочинить сценарий или частушки про это. Не работающая санкомиссия, ругающийся вожатый, просто смешной случай на экскурсии, на сборе или в лагере,—все это темы для живой газеты.

У пионерского зубврача (сценка из живгаза)

ГАЗЕТУ И КАК В НЕЙ ИГРАТЬ

живгаз „Пионер" № 15)

фотографии Ф. ЗУБКОВА

Умей только наблюдать и успевай только подбирать сыплющиеся темы.

Инсценировка—основа живгаза

У нас есть факт, который мы хотим представить. Что же нам нужно сделать прежде всего, чтобы создать представление? Прежде всего надо инсценировать тот факт, тот сырой материал, который у нас уже имеется.

Инсценировкой же называется обработка какого-либо литературного или иного материала для постановки его на сцене.

Можно инсценировать рассказ и сделать из него пьесу. Эта пьеса будет инсценировкой рассказа. Можно взять какое-либо событие и инсценировать, обработав его так, что можно будет поставить.

Что можно инсценировать

Не всякое событие можно инсценировать. Найдя материал, нужно прежде всего сделать отбор. Из одного события мы сделаем представление, о другом только в частушке скажем, о третьем—в раешнике. Для инсценировок нужно брать события позанятнее, события, которые сопровождались интересными обстоятельствами.

Разберем несколько сценариев

Было дело так. Живой газете предложили следующую тему. В стенгазету материал поступает очень туго. Редакционная коллегия никак не может выудить материал у ребят. Приходится из пальца высасывать.

Мы сделали вот что. Вытащили на сцену стол, посадили редколлегию. Члены редколлегии сидят сокрушенные, говорят о том, что материала нет, не с чем газету выпускать. Хоть совсем не выпускай или из пальца высасывай.

— Что ж,—говорит редактор,—буду из пальца высасывать.

Редактор показывает зрителям свой большой палец, обдувает его, вытирает, засовывает в рот и сосет, всем телом показывая, как это трудно. Наконец, насосавшись вдоволь, он мычит:

— Тяните.

Члены редколлегии начинают вытаскивать из редакторского рта длинную тесемку, которую он предварительно запихнул туда. Тащат и говорят:

— Вот это передовая, отрезай.

Отрезают ножницами.

— Вот заметки, вот еще одна.

Эта инсценировка пользовалась большим успехом у ребят. Зал гремел от хохота.

Эту же тему можно инсценировать иначе. Сидят члены редколлегии, свесив ноги в зрительный зал, и с удочками в руках выуживают материал в стенгазету. Рыбакам не везет: вместо хороших заметок они вытаскивают всякую дрянь, сор, бумажки и т. п. Наконец, один из рыбаков не выдерживает, пишет много, много заметок, спрыгивает в зрительный зал и говорит: «что делать, ребята, выуживайте меня». Он представляет тяжелую рыбу. Рыбаки пыхтят, отдуваются и, наконец, вытаскивают товарища с пол-

Пионерский зубврач деревянным ножом выковыривает непослушные зубы (сценка из живгаза)

ным ворохом материала, который он сам для стенгазеты написал.

Тут же со сцены можно обратиться к зрителям с призывом активно участвовать в стенгазете.

Из этой же темы можно сделать еще много самых различных сценариев.

Играйте что угодно

Вы можете, не стесняясь, играть что угодно. Если вам нужно представить зверинец, играйте зверей. Выверните полушубок, подражайте звукам, которые издают животные, выдумайте отличия между ними—и будет превеселый зверинец.

Все нужно делать просто, играть в живгазете как в обычную игру. Когда вы играете в любую игру, неужели вам нужны особые костюмы и декорации.

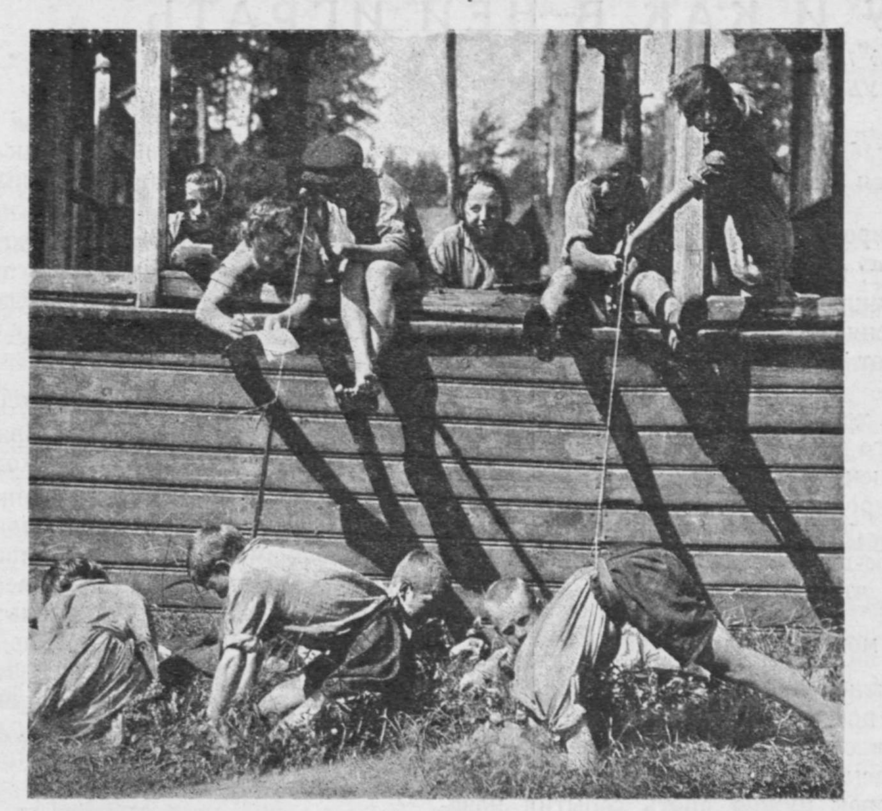
Так же нужно играть и для зрителей. Только такую игру нужно подготовить заранее, *знать хорошо свои места, все переходы, все движения.*

Перечислим приблизительный порядок номеров в живой газете.

1) *Выход.* Парад участников. Участники говорят о самой живой газете.

2) *Раешник.* Это — вступление к живгазу. Раешник рассказывает обо всем понемногу.

3) *Инсценированный фельетон из последних газет.* Преимущественно на международную тему.

Как редколлегия выуживает материал (живгазета в лагере)

4) *Инсценировки из местной жизни.* Примерно: общая инсценировка неуспеваемости ребят (по печатным материалам), потом мелкие факты.

5) *Частушки.* На главную тему живгаза.

6) *Театр теней или Петрушка.* Это можно сделать на какую-нибудь отвлеченную тему: звери, чудища и забавные приключения.

7) *Концовка.*

Этот порядок, конечно, может изменяться, номера могут переставляться, но лучше сохранить приблизительно это построение.

Сценическая площадка или где играть

Сценарии придуманы и записаны, нужный текст приготовлен—живую газету надо ставить. Надо начинать репетиции.

Живая газета должна быть готова к выступлению в любом месте, не только на сцене, но и на любой эстраде,—на грузовике, даже на паперти, если придется. Следовательно, при постановке живгаза нужно отказаться от всяких громоздких построек на сцене. *Живгазу не нужно никаких декораций.*

Кто видел на клубных спектаклях декорацию избы или леса, едва ли думал, что перед ним на самом деле изба или лес. Разрисованное полотно дрожит не только при каждом шаге, а при каждом вздохе играющих. В результате развешанные грязные полотнища только загромождали сцену и мешали смотреть, если хорошо играли.

Даешь действие

Живой газете не нужны декорации. Зато ей нужно кое-что поважнее. Что толку в том, что два чурбана будут час разговаривать, сидя на стульях при самых обыкновенных декорациях? Нужно, чтобы на сценической площадке делали такие вещи, *которые зрителям было бы интересно смотреть.* Разве интересно смотреть на сидящего человека?

Больше движения

Не нужно заставлять играющих сидеть долго на одном месте без движения. Пусть они больше *двигаются* на сцене. Если в сценарии сказано, что на сцене класс, а в классе шум, то это не значит, что ребята должны сидеть и орать. Можно дать и драку, и беготню, и чехарду, стучать об парту кулаками, свистеть, пищать. Но обо всем надо предварительно договориться и условиться. Для того, чтобы было интересно, надо показать самое яркое из того, что может быть. Надо только сразу прекращать весь шум, как только кто-нибудь на сцене начнет говорить, чтобы был слышен его голос.

Знайте меру

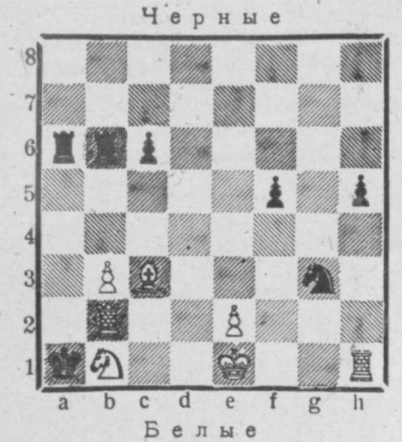
Нужно дать побольше движений, побольше живости, но нужно уметь во-время остановить излишнюю живость, чтобы у зрителей не остался в голове от всего спектакля только шум.

ШАХМАТЫ

ЗАДАЧА № 7

Б. Левман

Черные

Белые

Белые: Кр e1, Л b2 и h1, С c3, К b1, пb3 и e2.

Черные: Кр a1, Л a6 и b6, К g3, п c6, f5 и h5.

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

Что такое комбинация

Партия может развиваться спокойно и равномерно. Ходы обоих противников могут преследовать цель нормального развития фигур и достижения небольших преимуществ позиционных (в смысле положения) и материальных (в смысле лишних пешек или фигур, качества).

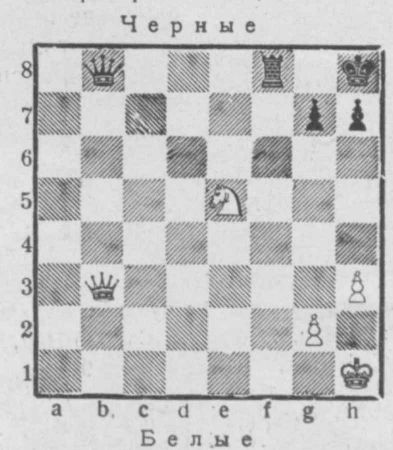
Так обычно и бывает. Силы у противников в начале игры равные и, если они играют, примерно, одинаково, то добиться какого-нибудь преимущества нелегко.

Но вот один из противников замечает, что у другого образовалась слабость в позиции. Эта слабость еле заметна, ее увидеть нелегко и часто это бывает неожиданно для самого заметившего. Он еще не видит, в чем дело, но чувствует, что эту слабость можно использовать в своих интересах. И он начинает искать, какой ход, какая серия ходов может вскрыть слабость противника.

Возможно, конечно, что он ошибается, что слабости этой в действительности нет,—и тогда игра развивается попрежнему. Но если он прав, то он рядом **неожиданных** (противник их не ожидал, так как не замечал своей слабости) ходов добивается преимущества или даже выигрыша. Такая серия неожиданных ходов, вскрывающая незаметные слабости позиции противника и дающая преимущество или выигрыш, называется комбинацией.

Вот пример комбинации:

Черные

Белые

В этом положении у черных материальное преимущество — качество (т.-е. ладья против коня). Последним своим ходом они, очевидно, предложили белым размен ферзей (1. Фb3:b8, Лf8:b8), после чего они будут тем или иным способом реализовывать свое преимущество.

Белые ищут выхода из положения и видят, что они могут добиться ничьей посредством «вечного шаха»: 1. Кe5—f7+ Крh8—g8 (если 1.... Лf8:f7, то 2. Фb3:b8+ и следующим ходом мат). 2. Кf7—h6++ (двойной шах), Крg8—h8, 3. Кh6—f7+ и т. д. После трех таких шахов и ходов королем партия считается ничьей.

И это уже хорошо! Но белые ищут дальше: нет ли в этом двойном шахе на 2-м ходу какой-нибудь более сильной угрозы? И вдруг они замечают, что, если как-нибудь закрыть королю поле g8, то он получает мат. И комбинация готова:

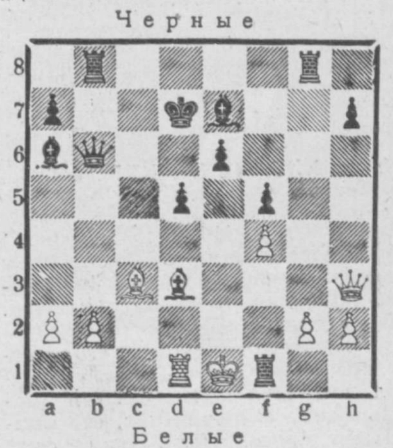
1. Кe5—f7+ Крh8—g8
2. Кf7—h6++ Крg8—h8
3. Фb3—g8+! . . . .
3. . . . Лf8:g8
4. Кh6—f7×

В этом—смысл комбинации. Необходимо взять ферзя ладьей, закрывая ему поле g8.

Кстати, такой мат называется «спертым».

А вот пример более глубокой комбинации.

Черные

Белые

Силы противников одинаковы. Но у белых есть слабый пункт—e3, куда может с шахом и множеством угроз попасть черный ферзь b6. Поле e3 защищено ферзем h3. И вот черные придумывают интересную комбинацию, чтобы отвлечь ферзя от защиты слабого поля.

1. . . . Лg8—g3!
2. Фh3:g3 . . . .

Пешкой ладью нельзя взять, так как тогда 2... Фb6—e3+ 3. Сd3—e2, Фe3:e2×. По той же причине нельзя уйти ферзем.

2. . . . Сe7—h4!

И черные выигрывают, так как взять слона нельзя из-за мата, а уйти ферзем тоже нельзя, так как он связан. Следующим ходом черные возьмут ферзя и выиграют партию, так как отдают за ферзя только 2 фигуры.

Эта комбинация была проведена в одной практической партии. Мы ее взяли из «Учебника шахматной игры» Эм. Ласкера.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Помещенный в № 15 «Пионера» этюд № 1, по техническому недосмотру, напечатан в совершенно искаженном виде. Он должен иметь следующий вид:

Белые: Кр e3, С f3, К a5, п h6.

Черные: Кр c2, п a2, c4, e4.

Белые начинают и выигрывают.

Содержание № 16

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *Е. Бушуйкина, А. Волков, Н. Крупская, В. Лядова, О. Максина, В. Розин и М. Эпштейн.*

ОТВ. РЕДАКТОР: *В. ЛЯДОВА*

Главлит № 94257. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 24.000.

Цена 20 к.

№41. ГОЛОВОЛОМКА

Составить из 18 целых спичек 6 равных четыреугольников и один треугольник, который в два раза меньше четыреугольника.

№ 42. ХИТРЫЕ ЭКСКУРСАНТЫ

18 экскурсантов зашли в столовую, заказали обед и пригласили хозяина обедать вместе с ними. С одной стороны стола сидел хозяин, против него 4 экскурсанта, по бокам по 7 экскурсантов. Когда обед кончился, один из экскурсантов, которого товарищи за его остроумие прозвали «Смекни-Голова» предложил, чтобы за всех заплатил кто-нибудь один, а именно тот, кто останется последним. При таком счете каждый седьмой, считая в круговую, уходит, хозяин считается наравне с другими, а счет начинается с «Смекни-Головы» и ведется по часовой стрелке. Хозяин и все остальные согласились. Вышло так, что хозяин остался последним. И он должен был заплатить за обед. Где сидел «Смекни-Голова»?

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 9

№ 18

Мяч—Матч

№ 19

Бе-ре-г

№ 20

Урок—Курок—Сурок—Турок

№ 21

За-бор

№ 22

Кол-он-и-я

№ 23

Задумано слово **Республика**.

Слова: 1) Рис, 2) Ели, 3) Сан, 4) Пар, 5) Ура, 6) Бак, 7) Лес, 8) Иск, 9) Куб, 10) Акр.

№ 24

Т-айга—С-айга

№ 25

Возобнови подписку на журнал «ПИОНЕР»

ПРАВИЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПРИСЛАЛИ:

Зубаров В., Заболотский И., Завьялов И., Шамин И., Ганшин В., Потепалов К., Крупп Н., Обновленский Ю., Мыза В., Кабакович Н., Груздев, Николаева В., Храпова О., Павловский В., Мацкевич С., Красильникова, Петров С., отряд им. Лилиной, Менгиленко Г., Попов Л., Карманов А., Кокорева А., Векслер Б., Белоносов С., Лапин А., Белоусов С., Гурович К., Слуцкий Н., Куликовский С., Новоселов А., Савина А., Архипов, Миндлин М., Лапидус Д., Шубочкин А., Высоков В., Войтюк Г., Григориади Ж., Казаров М., Шполянский Е., Кузьмин И., Казаков П., Лыткин В., Лихачев Ф., Сафронова М., Лигостова Р.

Ответы на письма:

Кушерман Д., Бермант Р., Васильев Б., Николаевой В., Хромовой О., Лузанову С., Семыкину К., Михеевой З., Шамину И., Макаренко С., Панченко П., Вахненко И., Заболотской Ф., Курочкину Ж., Павловскому В., Завьялову И.—присланное не подошло.